

Павел Шаров

МОЗАИКА

ЖИЗНИ

ЗАУРЯДНОГО

ЧЕЛОВЕКА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КРУТЫЕ ПОВОРОТЫ

Павел Шаров

**Мозаика жизни заурядного
человека. Часть вторая.
Крутые повороты**

«Издательские решения»

Шаров П.

Мозаика жизни заурядного человека. Часть вторая. Крутые повороты / П. Шаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967275-9

Автор книги — свидетель и участник бурных исторических процессов, охвативших страну с 1980-х годов вплоть до нынешних дней. Он наблюдательно и интересно изображает эти годы: встречи с замечательными людьми, веселые житейские истории, серьезные раздумья, профессиональные достижения — все это уникально, как неповторима сама человеческая жизнь.

ISBN 978-5-44-967275-9

© Шаров П.
© Издательские решения

Содержание

Несколько слов об авторе и его книге	6
Растем, братцы, растем	7
Назначение	7
Педагогика	11
Господин профессор	13
Повышение квалификации	14
Сачхере	17
Подарок	19
Нюансы развитого социализма	20
Вечный студент	22
На Мытном рынке	24
Антисемит	25
Черный кот	26
Братик	29
Человек – машина сложная	33
Приглашение	36
Подарок Недвецкого	41
Перебор	43
Мозготер	46
Семейные проблемы	47
Володя Попов	48
Всеволод Сергеевич Троицкий	50
Медицинские эксперименты	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Мозаика жизни заурядного человека

Часть вторая. Крутые повороты

Павел Шаров

Дизайнер обложки Владимир Валентинович Мицкевич

© Павел Шаров, 2019

© Владимир Валентинович Мицкевич, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-7275-9 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-7227-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Несколько слов об авторе и его книге

Я в принципе не согласен с названием этой книги (а это действительно большая книга – большой труд!). Поскольку очень хорошо знаю и самого автора, и его произведения.

К сожалению, в молодом поколении сейчас я не вижу той жизнерадостности, открытости, любви и... да! Да! Молодости... Не буду продолжать – особенно в творчестве.

Павел Шаров как творческая личность уникален. Его поэтический мир многоспектрален. Я думаю, не ошибаюсь, называя его прозу поэзией. Она так образна и афористична, что иначе и назвать нельзя. Не зря же Гоголь назвал свои «Мертвые души» поэмой!

Его собранность достойна подражания, он спортсмен, великолепный организатор, жизнерадостный, светлый и веселый человек! Многие и многие концерты и творческие вечера он провел. И когда такое случалось, никто не уходил раньше времени. Всем хотелось пообщаться с ним подольше. Это, конечно, большой показатель и говорит сам за себя.

Мне весьма нравится его энергетика, его оптимизм. Мне очень приятно с ним общаться. Надеюсь, что наше содружество продолжится.

Член Союза писателей России Борис СЕЛЕЗНЕВ

Растем, братцы, растем

Назначение

После защиты диссертации в 1972 году я развернул бурную деятельность по разработке СВЧ-узлов в микроисполнении, в том числе входных преобразователей плотности потока СВЧ-энергии (ППЭ). Основная идея была в полном изменении принципа построения прибора. Раньше прибор по измерению ППЭ представлял собой комплект антенн, которые как бы собирали сигнал, распространяющийся в пространстве, далее входное устройство СВЧ-измерителя, то есть преобразователь, в котором размещен элемент, поглощающий эту СВЧ-энергию и, наконец, отсчетное устройство, регистрирующее реакцию этого элемента. Идея была в том, чтобы вывернуть «желудок» измерителя наизнанку, то есть элемент, поглощающий СВЧ-мощность, вывести наружу. Пусть сигнал СВЧ поглощается датчиком, распределенным в самом пространстве, а далее отсчетное устройство. Исключается куча металлических узлов, включая антенны со своими сложными частотными характеристиками. Появляется широкополосный прибор. Вот этот, распределенный в пространстве датчик в виде веера пленочных термопар, и был предметом разработки.

Второй моей задачей было создание цеха микроэлектроники на заводе РИАП¹. Для этой цели я сманил из специализированного института по СВЧ-узлам под названием «Салют» восемь специалистов. Они то и выполнили основную работу. На заводе РИАП появился оборудованный современной техникой цех по изготовлению СВЧ-узлов в микроисполнении на базе тонкопленочной технологии. Разработанные в центральном институте объединения ГНИПИ² и в СКБ РИАП³ микросборки стали применяться не только в производстве СВЧ-аппаратуры на заводе РИАП, но и на других серийных заводах главка МПСС⁴, занимающегося обеспечением страны радиоизмерительной техникой.

Если говорить сегодняшними словами, рейтинг мой рос, что не замедлило сказаться на моей дальнейшей деятельности. Меня вдруг вызвал зам директора по кадрам Сизов и сказал:

– К тебе высокие гости приехали.

Я вышел. Действительно, меня встретил бывший секретарь райкома партии, а ныне директор того самого крупного института «Салют» Панкратов.

– Павел Павлович, я хочу поговорить с вами о вашей дальнейшей работе. Пойдемте, посидим в моей машине, прокатимся.

– Хорошо, поехали.

Мы приехали на одну из тихих улиц Дубенок⁵. Разговор шел о том, чтобы занять пост главного инженера этого института. Я попросил две недели на обдумывание. Когда я вернулся на РИАП, меня опять-таки вызвал заместитель директора завода и сходу ошаршил еще одним предложением:

– Пока вы катались с Панкратовым, я переговорил с Василием Павловичем (это наш директор завода) так вот мы решили предложить тебе должность главного инженера СКБ завода РИАП.

¹ Завод Радиоизмерительной аппаратуры

² Горьковский научно-исследовательский приборостроительный институт

³ Специальное конструкторское бюро радиоизмерительной аппаратуры

⁴ Министерство промышленности средств связи

⁵ Жилой район на окраине города Горького

– А как же начальник СКБ Матвейчев?

– Не беспокойся, с ним мы этот вопрос утрясем, он возражать не будет.

Я еще раз попросил две недели. В «Салют» я решил проникнуть втихую от директора, попросил одного из знакомых заказать мне пропуск и вошел туда, где меня пока не ждали. Задача была познакомиться с начальниками основных отделений института. Везде представлялся любопытствующим начальником отдела мелкого технического образования – СКБ завода РИАП.

В основном мне ребята понравились, но было какое-то ощущение излишней свободы, которой они были представлены. Поразил меня начальник отделения технологии полупроводниковых структур доктор химических наук Фролов. Он с энтузиазмом вдавливал мне новейшие достижения его отделения. В отделе фотолитографии он показал мне систему с координатографом, укрепленном на специальном отдельном фундаменте.

– Вот здесь мы получаем отверстия размером в доли микрона.

– А зачем? – задал я глупый вопрос

– Как зачем, – он с усмешкой взглянул на дилетанта.

– Какую конкретную задачу вы решаете этим достижением?

Дилетант задавал явно глупые вопросы.

– Как какую? Решение самой этой задачи – уже достижение в современной технике.

– Это мне понятно, но все-таки, у вас есть конкретное задание по созданию устройств, которые вы хотите изготовить с помощью этого техпроцесса?

Мы говорили на разных языках. У меня сложилось такое впечатление, что Фролов занимается фундаментальными исследованиями, игнорируя практические задачи прикладной науки. В цехе изготовления тонкопленочных и полупроводниковых микросборок частного применения я увидел целый ряд так называемых «чистых комнат». Из разговора с техническим руководителем цеха Леркой Макшановым, моим однокурсником, выяснилось, что высокие достижения в части создания технической базы цеха, увы, пока почти не используются. «Чтобы эту команду высококвалифицированных специалистов, – подумал я, – выстроить в единый строй для решения поставленных практических задач, надо, во-первых, самому быть высококвалифицированным специалистом, а во-вторых, надо очень много и долго потрудиться».

Я отказался, но отказался не по этим причинам. Основная причина была в том, что у меня в СКБ были свои интересные задачи. И пусть они выполнялись во сто крат меньшими ресурсами, но это были мои работы, я был в них влюблен и другой работы, не дай Бог, административной, мне было не надо. Так я стал главным инженером СКБ РИАП. Увы, мои мечты по поводу творческой работы потребовалось несколько отложить.

Наше небольшое СКБ было насыщено таким большим количеством тематики, что могло в этом плане конкурировать с более крупными разрабатывающими предприятиями, вроде института. Одним из таких направлений было направление разработок генераторов шумов. Начальником лаборатории, в которой проводились эти работы, был Лукин Сергей Иванович. Это был очень своеобразный человек. У него внутри, на мой взгляд, созрела очень большая, злая собака. Ему все не нравилось. Выполнять, например, распоряжения директора СКБ о направлении работников на сельхозработы и другие, несвойственные, работы, он категорически отказывался, в связи с чем был единственным обладателем двадцати выговоров. Сергей Иванович был когда-то ведущим специалистом ГНИПИ, но, по каким-то причинам, застрял на уровне начальника лаборатории и превратился в человека «а я против», после чего его тихо-нечко спланировали из ведущего предприятия главка в только что организованную тихую обитель – СКБ РИАП. Его творческая жизнь не удалась, и это его бесило. Так уж устроен мир. Глядя на Сергея Ивановича, так и хотелось сформулировать: «И воздастся вам по результатам трудов ваших, а не по надеждам и воздыханиям».

Технический проект по новой разработке Сергей Иванович успешно проскочил случайно. Когда я попытался разобраться в ходе разработки, я увидел такую путаницу, от которой у меня голова кругом пошла. В отчете по техпроекту – одно, на практике – другое, в техническом задании по образцам – третье. Образцы, изготовленные для приемки Госкомиссии, ни в какие рамки не лезли, метод, заложенный Сергеем Ивановичем в основу прибора, не обеспечивал технические характеристики, заданные техническим заданием. Выяснилось, что заместитель главного конструктора Станислав Иванович, между делом, изготовил макет, используя традиционный метод, и этот макет худо-бедно можно было довести до положительного результата. До госкомиссии оставался один месяц, а работа в таком расквашенном состоянии. Я позвонил своему давнишнему знакомому еще по работе в ЦНИИ-11⁶ Спицыну Виктору Георгиевичу, главному инженеру Каунасского института. Этот институт был головным в отрасли по разработке источников радиопомех. Я объяснил ему ситуацию, попросил его направить к нам своего специалиста председателем комиссии с рекомендацией принять работу со сколь угодно большим количеством замечаний и рекомендаций и обещал до передачи документации заводу-изготовителю провести доработку.

И вот госкомиссия приступила к работе. Председатель – тот самый специалист из Каунаса. Лоялен. Но в процессе работы комиссии вдруг возникли непредвиденные обстоятельства. Сергей Иванович все делал для того, чтобы провалить работу. Он все время ввязывался в препирательства с председателем, тот приходил ко мне утрясать вопросы. Но Сергею Ивановичу не нравилось даже то, что вопросы снимались благодаря чьему-то вмешательству и помощи. Он создавал все новые и новые склочные ситуации с членами комиссии. Наконец, председатель пришел ко мне, заявил, что в такой ситуации он работать не может и готов сформулировать отрицательное решение комиссии. Мне пришлось снова позвонить Спицыну Виктору Георгиевичу.

– Так что у вас?

– Виктор Георгиевич, председатель на пределе. Сергей Иванович измотал его напрочь. Я очень прошу, вдохните в председателя еще чуточку оптимизма. Чуть-чуть осталось.

– А сам чего не вдохнешь?

– Так ведь я стараюсь, но мне помощь нужна. Вдохните, пожалуйста.

И он вдохнул. И работа продолжилась.

Когда по вине Сергея Ивановича ряд приборов, используемых для контроля параметров испытываемых приборов, оказались не аттестованными в Центре стандартизации Госстандарта, я договорился с работниками Центра, срочно загрузил приборы в «Запорожец» Льва Елина, начальника бывшей моей лаборатории. Елин выполнил задачу, а потом доложил:

– Пашка, я сказал Лукину, какого черта я везу кучу приборов в своем хилом «Запорожце», когда у тебя, мол, у проходной стоит своя «Волга»? И ты знаешь, что он мне ответил?

– Что?

– Я не дурак, драть свою машину для общественных целей.

– Спасибо, Лева. Обещаю, что это было его последнее философское изречение в качестве руководителя.

Работа была принята с замечаниями. Я пригласил к себе Сергея Ивановича и спросил:

– Сергей Иванович, где бы вы хотели продолжить свою плодотворную деятельность?

– На вашем месте, – ответил он.

– Это место уже занято. Если у вас нет других предложений, то я сделаю свое. Вы пойдете в лабораторию разработки бытовки ведущим инженером.

– А если я не пойду?

– Тогда вы пойдете искать работу.

⁶ Прежнее название института ГНИПИ

– Это почему?

– Потому, что у вас двадцать выговоров, а этого вполне достаточно для увольнения.

Все, что было сделано Сергеем Ивановичем по генератору шумов, было выброшено. Главным конструктором был назначен Станислав Иванович, его бывший заместитель. В течение трех кварталов он в бешеном темпе разрабатывал нужную модификацию прибора. Это было начало моей трудовой деятельности в качестве главного инженера. Мечты о творческой работе пришлось на время отложить. Дальше – больше. Меня все дальше уносило от работы, которую я любил и в которой что-то понимал. Ишь ты! Приятную работу ему подавай, знакомую и интересную. А ты попробуй повозиться там, где ни черта не понимаешь. Есть одно волшебное слово в современном лексиконе: «Надо, Паня, надо».

Педагогика

Получив степень кандидата технических наук, в 1972 году я поступил на работу по совместительству, сначала на четверть ставки, потом на полставки доцента кафедры конструирования и технологии радиоаппаратуры ГПИ⁷. Проработал я так до 1987 года и ушел, когда времени для этого у меня, в то время уже директора СКБ РИАП, стало не хватать. Основная работа была настолько напряженная, что я, читая лекции по радиоматериалам по четыре часа подряд вечерникам и заочникам, отдыхал на этих лекциях и очень удивлялся, когда тот или иной доцент жаловался:

– Устал сегодня, две лекции подряд прочитал.

На экзаменах я разрешал пользоваться технической литературой и, более того, даже сам приносил несколько книжек для студентов. На выбор. Студенты уже знали мою привычку, выслушав ответы на билетные вопросы, продолжать беседу по всему курсу.

Запомнились и шуточные моменты. Однажды девушка, отвечая на мой вопрос, назвала явление в ферромагнетиках магнитоскрипцией. Я посмотрел на нее и сказал:

– Магнитоскрипция – это у вас в стуле, а явление называется магнитострикцией.

Однажды я должен был принять экзамены у группы из двенадцати человек. Староста группы, как самый смелый и ответственный человек, вошел в аудиторию и поставил на экзаменационный стол бутылку коньяку и бутылку шампанского. Я не смутился, попросил старосту поставить бутылки на подоконник и не уходить до тех пор, пока сдадут экзамен все до одного его товарищи. С двумя девчонками пришлось довольно долго, разговаривать. Я задавал им серию вопросов, они напряженно изучали литературу, отвечали и получали следующую серию вопросов. Часа за четыре они таким образом проштудировали 50—70 процентов курса и я, наконец, поставил им по тройку. Потом я позвал старосту, вручил ему бутылки и сказал:

– Бутылки здесь стояли для того, чтобы вы были спокойны и уверены в успехе. Теперь же они пригодятся вам для снятия стресса. Погода хорошая, идите на откос.

– Пойдемте с нами, Павел Павлович.

– Не могу. Во-первых, не пью; во-вторых, низзя – я преподаватель; в-третьих, низзя – я главный инженер предприятия.

Довольные ребята гурьбой отправились обмывать удачную сдачу экзамена, расслабиться. Думаю, если бы я был с ними, расслабиться бы не получилось.

Однажды ко мне подошел секретарь парткома завода РИАП Буланкин.

– Поставь тройку одному моему протеже.

– Нет вопросов. Поставлю. Пусть подойдет.

Подошел. Я дал ему книгу и сказал:

– Прочитай всю и приходи. Получишь тройку.

Пришел. Я взял книгу, открыл первую по тексту страницу. Спросил:

– О чем это тут?

Ответил. Я перевернул книгу, открыл одну из последних страниц.

– А тут?

Тут он не знал. Не знал он и тут, и тут, и тут. Я отослал его снова читать.

– Начинай теперь с конца, – напутствовал я его.

⁷ Горьковский политехнический институт

После нескольких таких подходов взъерошенный блатной студент отвечал почти на все вопросы. Создавалось впечатление, что он выучил учебник наизусть... местами. Я, как и обещал, поставил ему трояк... По блату.

Господин профессор

Через несколько лет работы по совместительству в ГПИ в качестве доцента кафедры конструирования и технологии радиоаппаратуры я узнал основных корифеев радиотехнической науки в этом вузе. Одним из них был профессор, назовем его Смоленский. Скрыть истинную фамилию профессора побуждает меня пикантность ситуации, происшедшей с ним. Это был невысокого роста человек, плотного телосложения, вышесреднего возраста, с лицом Черчилля. Когда он проходил мимо, его лицо заставляло окружающих прекратить броуновское движение, выстроиться в ряд и почтительно пронаблюдать прохождение господина профессора. Настоящий Черчилль когда-то говорил, что когда входил Иосиф Виссарионович Сталин, непроизвольно появлялось желание встать. Так вот, когда проходил профессор Смоленский, хотелось вскочить, построиться и скорчить почтенную рожу.

Однажды, в теплый воскресный майский день на Верхневолжскую набережную высыпало множество празднично одетого народа. Утомленные прошедшими зимними морозами, люди вдыхали свежий весенний воздух, и весеннее настроение побуждало их улыбаться и подставлять под солнечные лучи счастливые лица.

Я вдруг увидел, как, по тротуару, сгорбившись, степенно вышагивает маленький «Черчилль» с таким сверхсерьезным выражением на лице, что люди останавливались и пропускали его как небольшого размера корабль, раздвигающий направо и налево все, что встречалось на пути. Шел он, слегка сгорбившись, наклонив туловище вперед, скрестив руки за спиной, почти так же, как это делают конькобежцы. Прогулочный шаг его чем-то напоминал гусиную поступь. Голова его была выдвинута вперед, нижняя челюсть – тоже, взгляд устремлен прямо, мимо оторопевших прохожих. Он шел, как солидный гусь, выбрасывая вперед то одну, то другую ногу.

Особенностью внешнего вида этого величественного корабля было то, что у него напрочь были расстегнуты все пуговицы на брюках, а поскольку, как я уже сказал, шел он, нагнувшись корпусом вперед, место на брюках, которое должно быть застегнутым, расхлебнялось настежь. Он шел, и народ расступался перед ним, не решаясь подойти к нему и сказать о непорядке в его туалете. Так он профланировал от памятника Чкалову до поворота на Сенную площадь, сохраняя чувство достоинства, не догадываясь, что его достоинство тоже вот-вот готово было прогуляться на свежем воздухе.

Повышение квалификации

В 1977 году родное наше Министерство промышленности средств связи решило заняться подготовкой в плановом порядке главного звена управления промышленностью – директоров предприятий, в том числе директоров НИИ и КБ⁸. Почему главного? Да потому, что в системе повышения научно-технического потенциала страны пятилетние и годовые планы развития уже не могли рождаться в кабинетах министерских работников. Вал научно-технических задач так быстро разрастался, что если бы министерские руководители, несмотря на свой достаточно высокий технический уровень, попытались управлять этим процессом, не обращая внимания на нарождающиеся высококвалифицированные кадры на предприятиях-разработчиках, то страна эта только и занималась бы внедрением кукурузы в районах мертвой мерзлоты.

Сама жизнь подсказала принцип планирования, заключающийся в том, что руководители направлений разработок на местах, как правило, доктора и кандидаты наук, на основе знания уровня зарубежной техники, формировали план задач на ближайшее будущее и на долгосрочную перспективу, предлагали эти задачи на утверждение в научно-тематические подразделения министерств. Далее эти прожекты превращались в жесткий план, принятый специалистами министерств и утвержденный чиновниками, а, в большинстве случаев, Военно-промышленной комиссией, не выполнить который уже было нельзя. Система отчетности давила всякую возможность отлынуть от выполнения того, что сам придумал.

Вот почему в стране заработал принцип отбора и воспитания руководителей научно-технических предприятий, не только обладающих чувством ответственности за порученное дело, как это было на заре Советской власти, но и достаточно грамотных, чтобы, как минимум, со знанием дела барахтаться на гребне бурного потока развития мировой науки и техники. В такую группу я – главный инженер СКБ радиоизмерительной аппаратуры – и попал в феврале 1977 года.

Группу человек тридцать собрали со всего Советского Союза в Москве, посадили в автобус, отвезли в село Покровское и разместили на пятом этаже в двухместных номерах действующей гостиницы. Первые четыре этажа были пустые. В первый же вечер нас ждал приятный сюрприз. Оказывается, рядом расположился шикарный дом отдыха, из здания которого звучала призывная музыка танца. Гостиница наша использовалась в летнее время для отдыхающих, а в зимнее время пустовала.

Несмотря на то, что наши занятия проводились в Москве, и, следовательно, большую часть времени мы в гостинице отсутствовали, тем не менее, ежедневное торчание в номерах по вечерам в течение четырех месяцев вряд ли выдержал бы мужик любого аскетического воспитания. А тут мы, и совсем уж от аскетизма далекие. Поэтому нас постепенно понесло осваивать близлежащие пространства, в которые попадали такие замечательные во всех смыслах места, как дом отдыха ВТО (дом отдыха творческих работников), магазин виноводочных изделий в селе и другие достопримечательности. Двухместные номера по вечерам превращались в многоместные с приглашением гостей из среды аборигенов и отдыхающих.

Потребовались кое-какие организационные мероприятия. Старостой группы был избран Леша Молчанов, главный инженер Киевского института. Его заместителем выбрали меня. Поскольку Леша обладал явно выраженным характером лидера, то он сразу же полез на трибуну, чтобы произнести глубокую речь с огромным количеством предложений. Естественно, что выполнять эти решения должен был я, его заместитель.

Не зря говорят: «Большому кораблю – большое плавание». В соответствии с этой поговоркой, Леша впоследствии стал директором Мытищинского института, а потом и главным

⁸ Конструкторское бюро

инженером шестого Главного управления МПСС – моим начальником. Среди нас был будущий член-корреспондент Академии наук Ульянов Адольф (Интересное сочетание, правда? Адольф и Ульянов.) – генеральный директор ГНПО⁹ «Кварц», куда входило и СКБ, в котором я работал Главным инженером. Среди нас был Виталий Хохлов – главный инженер Саратовского НИИ, а в будущем – начальник Главного технического управления министерства и много, много других неординарных личностей. Я же, как бывший член профкома ГНИПИ по культурно-массовой работе, пытался направить по вечерам бурный поток волеизъявлений очень энергичных (не зря же все они стали главными инженерами) людей с различными интересами в какое-то более-менее организационное русло, чтобы вся эта энергичная компания после коллективного застолья не ходила на ушах, а перемещалась в цивилизованном направлении.

Должен прямо сказать, что заставить эту компанию играть в ладушки или хотя бы подчиниться какой-то единой концепции времяпровождения было невозможно. Ничего не поделаешь – личности. Поэтому, я в конце концов, и оставил свои попытки как-то влиять на творческий процесс этого самого времяпровождения, превратившись сначала в наблюдателя, а потом и сам поплыл по течению того бурного потока воскресных и вечерних событий, который, к тому же, был во всех отношениях приятен и интересен.

Два дома отдыха, село с достаточным количеством интересных молодых людей, магазин с вином и закуской. Всего этого было достаточно, чтобы наша гостиница превращалась по вечерам в гудящий улей из высококвалифицированных персонажей различной степени податости.

Надо сказать, что еще на первом собрании в Москве, в аудитории института повышения квалификации МПСС я, по привычке, спрятался за задним столом и вдруг на первом ряду обнаружил вроде бы знакомую лысину. Когда лысина повернулась ко мне лицом, я узнал в ней моего сокурсника Матвея Кокина. С момента окончания Горьковского университета прошел двадцать один год и, тем не менее, я его узнал по лысине, тем удивительнее, что двадцать один год тому назад лысины у Матвея не было. Матвей (Мотя) оказался секретарем парткома Каменск-Уральского радиотехнического предприятия. Обоим встреча была приятна.

Однажды, в воскресенье, после принятия на грудь, мы пошли с Матвеем через лес в село. Я, по своей еще спортивной привычке старался много не выпивать, а Мотя не был обременен подобным самоограничением. По возвращении домой Мотя куда-то пропал. Я стал искать его и нашел. Ему, видите ли, стало жарко, и он зашел по колено в воду на середину какой-то маленькой речушки и умывался, блаженно улыбаясь. Если учесть, что было начало апреля, мы ходили в пальто, кое-где еще был снег, то выглядел Мотя весьма экзотично. Пришлось срочно тащить его домой под горячий душ.

Еще более экзотичный случай произошел с главным инженером одного Дальневосточного института. Было заведено запираť входную дверь гостиницы где-то в двенадцатом часу ночи. Так вот, во втором часу ночи кто-то начал грохотать в дверь. Дежурная тетя Дуся подошла, чтобы открыть, и сквозь стеклянное окно увидела нечто, от чего попыталась потерять сознание, но передумала, взвизгнула и побежала к нам на пятый этаж. Был конец марта, и время снежного человека прошло. Этот был глиняный.

– А что он сказал? – спросили мы тетю Дусю.

– У!.. У! – ответила она, то ли подражая испугавшему ее страшилищу, то ли затрудняясь что либо выговорить.

Не добившись от нее ничего, кроме известного уже «У!.. У!..!», мы спустились посмотреть на того, кто так напугал тетю Дусю. Когда его впустили, он представлял собой сплошной ком глины с вытарщенными окулярами.

– Ты кто, мужик?

⁹ Горьковское научно-производственное объединение

Мужик сделал по-женски книксер и представился. Окуляры вытаращились у всех. Ни фига себе! Наш! Оказалось, что он в определенной степени кондиции переходил по доске какую-то глубоко вырытую траншею метров шесть шириной, наполовину наполненную водой. Как и следовало ожидать, он туда плюхнулся. Попытался выползти по скользкому глиняному обрыву. Не получилось. Сполз обратно. Попробовал снова. Уже подползая к краю, снова съехал. Началась борьба за выживание, которая после многочисленных попыток увенчалась успехом. Подойдя к гостинице, начал стучать в дверь, оставляя на ней грязные отпечатки. Когда подошла тетя Дуся, начал орать, что он живет... вот тут. Когда тетя Дуся увидела его в окно, у нее отказали все органы чувств, в том числе и слуха. Единственно, что заработало с утроенной силой, так это ноги. На пятый этаж она влетела порхающей бабочкой.

На следующий день страдалец рассказывал, что, войдя в свой номер, он в первую очередь открыл горячую воду в душе и зашел туда, как был – в верхней одежде, решив по мере отмывания грязи снимать с себя одежду. Отмыл пальто, снял. Отмыл ботинки, снял. Отмыл штаны и пиджак, снял. Наконец, снял рубашку, трусы и завалился спать. Каково же было его удивление утром, когда он, проснувшись, обнаружил, что завалился спать в мокрой майке, под которой обнаружился огромный ком глины.

Когда в июне месяце мы, наконец, возвращались домой, в записных книжках у нас было очень много реквизитов новых знакомых, поскольку, пока мы жили в селе Покровском, там сменилось семь-восемь заездов в домах отдыха.

Сачхере

Я приехал из подмосковья домой, когда моя жена Галочка и дочка Леночка были уже в Грузии, в поселке Сачхере, в пансионате отдыха. Сначала были телеграммы радужного содержания: «Все в порядке, живем хорошо, купили тебе подарок». Вдруг, телеграмма: «Срочно приезжай! Леночка заболела!» Ничего себе «приезжай!». В Грузию! В разгар сезона! Стал искать пути. Один мой знакомый, бывший студент заочного отделения радиофака Горьковского политеха, у которого я принимал экзамены, будучи доцентом по совместительству, а теперь начальник радиотехнического узла аэропорта, – устроил меня в самолет до Тбилиси в качестве какого-то груза.

В Тбилиси 40 градусов жары. Изнываю. Уговорил кассиршу продать мне билет до Зестафоне, а там рядом и Сачхере, где отдыхают моя жена и чадо. Вагон пустой, окна без стекол, проводника нет. Естественно, нет и постельных принадлежностей. Страшно устал. Лег как есть и заснул. Проснулся от страшного холода. Оказывается, едем через перевал. Из плюс сорока да в нулевую температуру. Левая нога не разгибается. Больно. Покраснело. Растет какой-то фурункул. Кое-как доскакал до такси и... в Сачхере. Пока добирался, у Леночки все прошло.

Оказывается, она, такая любознательная, взяла да и понюхала там какой-то цветочек. А нюхать его было никак низзя. Вот у ней и пошли волдыри по телу. Так объяснила заведующая по хозяйству пансионата – черная грузинка средних лет – по совместительству выполнявшая функцию врача. Моя Галочка не поверила корифею медицинской науки, решив, что Леночка что-то там съела, и потребовала для своего ребенка клизму и укол от температуры. Клизму искали всем персоналом пансионата. Нашли. Шприц не нашли.

Когда я приехал, Галочка вычистила клизмой внутренности Леночки. Этого оказалось достаточно. Леночка выздоровела. Пришлось преодолеть удивление и неудовольствие кухонного персонала и потребовать исключить острый перец из ингредиентов пищевого рациона детей. Доморощенный врач долго еще после этого долдонил, что острый перец – это грузинский шоколад, но русские отдыхающие этого никак не понимали и все после обеда хватались за животы. Так или иначе, проблема, под нажимом отдыхающих, была решена, и в рационе вместо харчо и чахохбили появились щи, борщи и котлеты. Что касается меня, то я с удовольствием уплетал местную, экзотическую для нас, пищу, съедая в день по две головки чеснока.

А нога болела. За игрой в бильярд я познакомился с молодым парнем, отдыхающим в пансионате с женой и ребенком.

– Астахов – представился он мне.

Потом оказалось, что это довольно известная личность, поскольку он оказался призером Европейского первенства боксеров в одной из средних весовых категорий. Кроме того, он оказался еще и врачом-хирургом по профессии. Показывая ему свою левую полусогнутую ногу с большой шишкой на внешней стороне бедра, я попросил его:

– Слушай, давай взрежем этот фурункул, надоел проклятый. Вон, на гору бы залезть или хотя бы станцевать с женой вечером. Хожу как инвалид.

Хирург отнекивался, отшучивался, на зарядку бегал без меня, а я вынужден был довольствоваться сражениями в бильярд под коротким названием «Ударим по шарам!». Было, правда, еще одно удовольствие: употребить хорошего грузинского вина под сдобренный специями пашлык.

Однажды какой-то любитель спорта пригласил моего звездатого товарища выпить своего вина. Тот, конечно, потащил с собой и меня. Пришли. Хозяин извлек бурдюк вина, поставил на стол три пивные кружки и стал разливать в них это самое вино. Выпили по кружке. Хозяин налил еще. В это время, узнав о нашем застолье, в комнату ввалился огромного роста участковый милиционер. Меня поразило не то, что он был выше двух метров ростом, а то,

что в ширину он был почти такой же, а лица у него было столько, что в обыкновенное ведро его голова наверняка бы не влезла. Налитая ему кружка вина была опрокинута внутрь, как будто без единого глотка. Естественно, день-то был жаркий. Сколько раз хозяин наливал наши кружки, я уже не помнил. Единственно, что зафиксировала память, это то, что огромный многолитровый бурдюк был выпит нами как «Бермудский треугольник» из песни Высоцкого. Еще я обратил внимание, что, несмотря на сгустившуюся темноту – (а была уже ночь) – можно было вполне выключить лампочку, так как лицо нашего блюстителя величиной порядка с абажур излучало столько инфракрасного света, что могло вполне конкурировать с люстрой, освещавшей нашу скромную трапезу.

В это время два наших семейства (а мы все проживали в четырехэтажном здании в отдельном для каждой семьи номере) в сопровождении сочувствующих охали и ахали под звездным небом, высыпав на свежий воздух. Ахали и охали по поводу пропажи самого дорогого из вещей, что было у них, а теперь вот пропало, то есть нас с Астаховым. Поиски участкового милиционера не дали результатов. Тоже пропал.

Разволнованная группа переживающих женщин вдруг увидела где-то в тумане фигуру милиционера с двумя мужчинами по бокам.

– Ведут, ведут! – зашумела толпа. – Ваших ведут.

По мере приближения картина несколько прояснялась. Стало видно, что здоровый милиционер держит за шиворот, как щенков, двух мужиков.

– За что это их? – заволновалась толпа.

Группа во главе с милиционером, тем временем, приблизилась совсем близко, и стало видно, что мужики, которых он привел, не вяжут лыка не только языком, но и ногами.

– Ваши? – спросил милиционер, глядя на женщин.

– Да, да, – закивали наши жены.

– Палучите, – сказал милиционер и повесил каждого из нас на принадлежащую каждому жену. Повернулся и пошел восвояси, освещая дорогу своим излучающим свет ликом.

Операцию по вырезанию фурункула Астахов так и не провел. И правильно сделал. Когда мы с женой и дочкой закончили отдых в Сачхере, мы спустились на побережье Черного моря. Купались. Меня чего-то зазнобило. Я пошел попариться в баню. Из бани я приполз почти на четвереньках с температурой в 40 градусов. Нога покраснела, как лицо того милиционера после восьми кружек вина. Меня увезли в больницу. Там выяснилось, что у меня, во-первых, не фурункул, а тромб, связанный с простудой в поезде и усугубленный острой пищей, и, во-вторых, в связи с загрязнением кровеносных сосудов во время купанья, меня поразила неизвестная тогда мне болезнь – рожа.

Возвращались мы в Горький самолетом. Стюардесса с некоторым недоверием посматривала на мой костыль, сделанный мной из ствола небольшого дерева, раздвоенного на одном конце для упора в предплечье. Веселые, отдохнувшие, порхающие как бабочки, члены моей семьи вернулись домой. Я порхал на одной ноге.

Подарок

На этот раз производственные обстоятельства развели нас на целый месяц на расстояние в две тысячи километров. Если раньше мы полным семейством: я, моя жена Галя и дочка Леночка – проводили отпуск вместе, то в данном случае я в летнюю жаркую погоду должен был торчать на работе, а Галя с Леночкой – отдыхать на сочинских пляжах. Поскольку у меня на работе была запарка, связанная со сдачей очередного этапа опытно-конструкторской разработки, время пролетело быстро и закончилось небольшим застольем разработчиков и членов Государственной комиссии.

Вечером, проводив взглядом поезд, уносящий друзей из приемной комиссии, я завалялся спать и проснулся часов через двенадцать, протер глаза, освежил лик холодной водой из-под крана и тут только вспомнил, что я, такой-сякой, в рабочей напряженке совсем забыл заглядывать в почтовый ящик.

Заглянул.

«Е-мое!» Позавчерашняя телеграмма гласила, что отпуск моего семейства благополучно закончился, и оно возвращается домой. Оказалось, что Галя и Леночка, отдыхая под южным солнцем, не забыли и про меня. В телеграмме черным по белому было напечатано: «Везем тебе дорогой подарок».

Вечером того же дня я топчусь на первой платформе Московского вокзала в ожидании поезда, в котором едут мои дорогие жена и дочка, не забывшие в круговерти насыщенного событиями южного отпуска про меня, трудягу, свидетельством чего я вот-вот получу сувенир. Какой сувенир? Я пока не знаю. Да это и неважно. Главное – забота.

И вот вдали раздается гудок приближающегося поезда, вот нужный вагон, и вот, вот они – мои загорелые, улыбающиеся, дорогие.

Объятая, поцелуйчики. Лена достает из сумки долгожданный подарок и протягивает мне... красивый, здоровенный РОГ?!

– Это тебе мама купила, – весело улыбаясь, говорит она.

Прошло много лет, а этот рог до сих пор красуется в числе различных призов и сувениров доказательством заботы моей Галочки обо мне.

Нюансы развитого социализма

Когда в СССР приехал президент США Никсон, он привез с собой чемоданчик. Нет, не такой чемоданчик, какой, по мнению большинства нашего населения, был привязан к левой руке (а может, и к правой ноге) генерального секретаря КПСС. Речь идет о чемоданчике, с помощью которого Никсон, находясь в любом помещении в Москве, даже, если он в Сундуновских банях, мог связаться по телефону с абонентом в любой точке земного шара. Вот это да... а! Иностранная штучка понравилась Леониду Ильичу, по-видимому, значительно больше, чем золотое ситечко Остапа Бендера людоедке Эллочке.

– Давай махнемся, не глядя, – сказал Никсон.

– Готов любое кресло отдать, – ответил Брежнев, – у меня их значительно больше двенадцати.

– А чемоданчик не отдашь? – облизнувшись, спросил Никсон.

– Не... чемоданчик не отдам.

– Это почему?

– Так ведь без моего чемоданчика ты у меня свой обратно в два счета отнимешь.

Юмористические события после отъезда Никсона происходили так, что Ильф и Петров отдыхают. А происходило следующее.

Леонид Ильич вызвал к себе двух радиооруженосцев: министра радиопромышленности Калмыкова и министра электронной промышленности Шохина. И поставил задачу: сделать чемоданчик, как у Никсона, и точка. Оказалось, что Калмыков, в ведении которого находились разработки и выпуск средств связи, не может выполнить эту трудную задачу из-за отсутствия соответствующих исходных комплектующих изделий, а вот Шохин, который по роду своей деятельности должен был эти комплектующие изделия поставить Калмыкову, может. Он просто по каким-то, одному ему известным, причинам забыл показать эти изделия тем, кому они предназначены. Вот и упал у товарища Калмыкова престиж. Ну, упал и упал, это же не трагедия. От этого жена от мужа не уходит. Просто товарищ Калмыков уступил свое кресло двум другим, новому министру радиопромышленности и министру вновь организованного Министерства промышленности средств связи. Даже кресла иногда «раздвоятся». Престиж Шохина, напротив, поднялся и тут уж не только жена, сама фортуна раскрыла перед ним широкие объятия. Нет нужды рассказывать, как после этого развивалась наша отечественная промышленность средств связи. Гораздо интереснее, что после этих исторических событий возник, а точнее, стал бурно развиваться феномен развитого социализма, а именно, соревнование смежных отраслей между собой за главный приз – благосклонное отношение вышестоящего. Обладание этим призом стало заветной мечтой многих руководителей всех уровней, став путеводной звездой их деятельности в ущерб общему делу.

Промышленность страны бурно развивалась, планов «громадь» реализовывалось в реальных объемах производства, и управлять всем этим, выстроить руководителей в единый ряд для решения главных задач становилось все трудней и трудней. К тому же, таких организаторов, как Орджоникидзе, Куйбышев, становилось все меньше и меньше. У руководителей высшего звена управления появились технические секреты друг от друга. Единая команда стала расплзаться, иногда мешая друг другу, за что такой-сякой Иосиф Виссарионович в свое время отправлял без разговоров прямо на вешалку, как минимум для того, чтобы взять там свою верхнюю одежду и больше тут не появляться.

Нас, разработчиков новой техники, этот феномен тоже касался иногда, и совершенно неожиданно. Мы ведь хотели что? Как можно больше и лучше. И вот, получив задание разработать вольтметр для измерения напряжения видеоимпульсов в динамическом диапазоне до ста вольт, наша творческая мысль породила специальный делитель, чтобы получить воз-

можность измерять еще и импульсы до тридцати киловольт. Руководство главка удивилось нашей прыти. «Вот те на! Это ж прямо для Министерства Электронной Промышленности». Мне объяснили, что наша задача – приборы общего назначения, а вот эта приставочка, не что иное, как спецтехника, лишняя нагрузка для нашего производства. Чем больше таких приставочек, тем быстрее наше министерство превратится в приставочку к Министерству Электронной Промышленности.

То же самое произошло с разработками нашего очень грамотного разработчика Володи Островского, который, следуя в ногу с линией на автоматизацию измерений, разработал электронно-управляемые источники электропитания на верхние пределы до трех, пяти и десяти киловольт. Ну, прямо для различных СВЧ-средств, разрабатываемых в Министерстве Электронной Промышленности. Приказано было прекратить. Помните, как милиционер увидел нарушителя на угол и приказал «прекратить!». Тот повернулся к милиционеру, но не прекратил. Так вот, мы сказали «есть», но не прекратили. А когда случилась Чернобыльская трагедия, к нам пришло требование срочно передать документацию на эти самые источники. А если бы прекратили?

А когда в 1977 году я, движимый идеей подготовить хороший диплом после четырехмесячной подготовки на курсах директоров, облазил все НИИ, КБ и заводы главка и соорудил пятисотстраничный фолиант о настоящем и будущем нашей микроэлектроники, показал его заместителю главного инженера ГНИПИ Насонову Владимиру Сергеевичу, так тот посмотрел этот фолиант, взглянул на меня осуждающе и сказал:

– Сколько экземпляров сделал?

– Три.

– Спрячь и никому не показывай. Если главный инженер главка Андрущенко увидит, он этим фолиантом с грифом ДСП¹⁰ тебе башку размозжит.

Пришлось укоротить в четыре раза. Оценка оценкой, а секреты развития надо беречь. И не только от проклятых капиталистов, но и от глубоко уважаемых соратников по построению материально-технической базы коммунизма.

До сих пор я вспоминаю подвижника отечественной радиотехники, директора ГНИПИ Горшкова Александра Порфирьевича, который вынашивал идею унифицированных узлов (УФУ) для измерительной техники, которыми комплектуются приборы и их запасное имущество. Были разработаны конструкции, изготовлены образцы. Вынашивал, вынашивал идею, но... роды так и не состоялись. Помешала политика, которая заключалась в том, что УФУ нужны всем, их надо много, и мы, под давлением обстоятельств, превратимся в поставщиков-подсобщиков, потеряв значительность выполняемых задач. Представляете ситуацию, когда вы, обладатель лимузина, вдрызг испортили одно колесо, а отдельно колеса не продаются, извольте купить новый лимузин? Так вот, ситуация сложилась такая, что если при эксплуатации прибора потерян какой-нибудь входной узел, прибор надо выбрасывать, а УФУ так никто в производство и не запустил. Феномен!

¹⁰ Для служебного пользования

Вечный студент

Уже будучи главным инженером СКБ РИАП, я по старинке с интересом контролировал работу отдела микроэлектроники, где был когда-то начальником. Народ там был, как и везде, разный, но некоторые товарищи особенно выделялись своими индивидуальностями. Володя Рождественский – инженер по фото-литографии – отличался безудержным энтузиазмом. Он всегда что-то программировал и никогда ничего не доводил до конца. На работе у него всегда было много прожектов, и требовалась определенная настойчивость, чтобы заставить его делать то, что надо. И он делал. И хорошо делал. Там же, где он решал самостоятельные задачи, все, как правило, погибало под громадьем прожектов. ия из отдела. Например, как студент физфака Горьковского госуниверситета (ГГУ), он добрался таки до защиты диплома, но, увы – получил двойку. Ко мне пришла делегация из отдела просить помощи: «Затюкали человека!»

Председателем комиссии по приемке дипломов был мой знакомый, начальник отделения НИИИС¹¹ Лев Николаевич Тюльников. Когда-то он был начальником отделения в ГНИПИ, а я – секретарем партийной организации этого отделения. Приходилось разбираться в той жесткой обстановке подсиживания и засиживания, которая была создана не без его участия, и которая отличалась тем, что там больше занимались взаимоотношениями, чем работой. Я, как человек, в жестких ситуациях спокойный, когда успешно, а когда и безуспешно выполнял роль кота Леопольда. Причем, обе противоборствующие стороны всегда были мной довольны, поскольку я почему-то, разобравшись в ситуации, не принимал именно их сторону. Моей же целью всегда было снять накипь пустого противоборства, обнажить объем чисто рабочих задач, сунуть туда правых и виноватых и поздравить всех с окончанием успешных поисков путей решения этих задач.

И вот я в Горьковском госуниверситете. Продолжается работа комиссии по приемке дипломных работ. Ко мне выходит Тюльников.

– Привет, Паша. Чего ты пришел?

– Вы завалили одного моего инженера. Чего можно придумать?

– Рождественский, что ли? Так он сам себя завалил. Я еще ни разу не встречал человека, который не понимает вопросов. Ему вопрос, а он опять про шилишпера.

– Понятно, понятно. Я знаю Рождественского, как свои пять пальцев. Вопрос в другом – что можно сделать? Повторить защиту можно?

– Теперь этот вопрос может решить только декан.

– А где найти декана?

Декан не пришел. Пришел его заместитель.

– Здравствуйте, – обратился я к нему, – Владимир Рождественский уже давно учится на вашем факультете. Если оставить его еще на год, боюсь, он бросит все, и мы потеряем специалиста.

– А он специалист?

– Да, своеобразный, но специалист. Дело свое знает неплохо.

– Вы, Павел Павлович, правильно отметили, что он давно у нас учится. Насколько я себя помню, он все время здесь учится.

– Ну и что? Вам это нравится?

– Вы знаете, в определенной степени, да. Это как неотъемлемая часть факультета, амулет, что ли. Факультет существует пятнадцать лет, и, мне кажется, все эти годы на нем учится Рождественский. Сначала – на очном отделении, потом – на вечернем. А теперь, на заочном.

– Так и что?

¹¹ Научно-исследовательский институт измерительных систем

– Что, что! Привыкли мы к нему, вот что. Уйдет Рождественский, что будет с факультетом?

Шутка мне понравилась, но все-таки мы договорились повторить защиту.

– Только не сейчас. Немного погодя. Надо подготовить профессорско-преподавательский состав к утрате, – продолжал шутить зам. декана.

Через некоторое время Рождественский защитился, получил диплом инженера-физика и покинул факультет. Факультет был в трауре.

На Мытном рынке

Где-то в середине семидесятых я, молодой главный инженер, с пятеркой в кармане, зашел на Мытный рынок и вспомнил, что дома нет моркови, и что именно морковь заказывала мне моя жена Галочка. Вот они – бойкие торговые ряды. Чего только нет! (Во, фраза! Чисто русская. Правильней было бы сказать – «чего только есть».) Все есть. И морковь, конечно, тоже есть. Я вытащил свою пятерку, попросил взвесить мне моркови на целую трешницу. Взвесили. Я повернулся, и уже пошел было домой, да вспомнил: «А два рубля?!»

– Эй, хозяйка, сдачу давай.

– Какую еще сдачу?

– Я тебе пятерку дал, а ты мне моркови на трешницу. Два рубля давай.

– Ты че, забыл что ли? Я ж тебе дала.

– Послушай-ка, тетя, может, ты кому чего-нибудь и дала, только не мне. Кончай шутить, давай два рубля.

И тут женщину разнесло такой бранью, что я даже подумал: «А не уйти ли мне от этого шума? Черт с ними, с двумя рублями». Но перспектива добираться до Канавина, где я жил, без копейки в кармане удержала меня от этого необдуманного поступка.

– Послушай, женщина, я серьезный человек, видишь – в шляпе и в очках, – неужели ты думаешь, что я стал бы тебя обманывать?

Но женщина еще больше распалялась.

– Вот что, тетя, будешь матом лаяться, на штраф налетишь, понятно?

– Люди добрые, – взывала продавщица, – поглядите на него. Ишь ты, шляпу надел! Очки напялил! Вон таки зенки налил! Да держи ты, подавись этими двумя рублями!

Я взял два рубля и ушел, сопровождаемый многоэтажно-значительными восклицаниями рассерженной продавщицы. Сел на Черном пруду на трамвай номер один и поехал к себе домой на улицу Совнаркомовская. Не проехав и одной остановки, я сунул руку в карман, вынул рубль из тех двух, что лежали в кармане, собрался, было, заплатить три копейки за трамвай. «Стоп! Это ж не тот карман!» Сунул руку в другой карман, там тоже два рубля! «В этом кармане два рубля и в этом два рубля?! Откуда? Мать честная! Выпорил!» На остановке Лыковая дамба вышел и побежал по Свердловке к рынку. Подхожу к прилавку. Продавщица аж глаза вытаращила.

– Что?! Опять?!

В руке рассвирепевшая женщина держала здоровенную свеклину, приготовленную для взвешивания. Я понял, что если я сейчас поведу себя неправильно, то этой, не взвешенной еще, свеклиной женщина взвесит мне чуть ниже полей моей черной шляпы, после чего эту шляпу некоторое время будет трудно одевать на голову.

– Опять, опять, тетя. Не волнуйтесь, пожалуйста. У меня к вам вопрос: вы в дальнейшем будете верить серьезным мужикам в шляпах и в очках?

– Ни... ког... да!

– И напрасно. Вот вам ваши два рубля с моими глубочайшими извинениями. И прошу вас: верьте, пожалуйста, мужикам в шляпах и в очках, если, конечно, они серьезные.

И я пошел домой. Уже подъезжая на трамвае к моей остановке, я обнаружил, что, в порыве глубокого раскаяния, я оставил сетку с морковью на прилавке у обиженной женщины.

Антисемит

Я вообще-то человек простой и к эфиопам отношусь беспристрастно. Хорошо работает эфиоп, значит хороший эфиоп, плохо работает – плохой эфиоп. Но вот с Гуревичем Евгением у меня произошли некоторые разногласия. Взяли мы его на работу для организации новой лаборатории САПР¹², заниматься автоматизацией процессов разработки радиоизмерительной техники. Гуревич сразу же окунулся в работу и через пару дней принес мне проект автоматизации механического цеха завода.

– Стоп, стоп, стоп. Евгений, не туда потопал. Нам, в первую очередь, надо автоматизировать процесс разработки печатных плат. Производством пусть другие занимаются. Пospорили, поругались, но я настоял на своем.

– Грамм полезного дела дороже тонны фантазий, – сказал я ему.

Начался подбор кадров. Смотрю подготовленный список для приема на работу и вижу: программист Шамсонов, программист Фрухт, математик Альтшулер и так далее.

– Слушай, Евгений. Почему у тебя в списке одни фрукты: математики да программисты. А кто оборудованием будет заниматься?

Снова начали спорить. Спор кончился тем, что я сам нашел ему заместителя по оборудованию, татарина Исакова Рауиля Абдулбязовича. Взрыв возмущения.

– Что нос воротишь? Отчество Абдулбязович не нравится? Зови его Абдулбязовичем или Надулбязовичем. Ему все равно. Он работу любит, а на твое отношение к его отчеству ему наплевать.

И я утвердил ему в качестве оператора ЭВМ чеченку. Он снова возмутился. Возмущался он до тех пор, пока его лаборатория не превратилась в многонациональное образование. Однажды он явился ко мне в кабинет и заявил:

– Вы, Шаров, антисемит.

– Это что это? – говорю. – Тебе что, Советский Союз не нравится, как воплощение дружбы народов разных национальностей, культур и вероисповедания?

– Вы, товарищ Шаров, против моей национальности, поэтому и антисемит.

– Послушай, Евгений, извини, но я не знаю точной формулировки, что такое антисемит, но сдастся мне, что не я, назначивший тебя начальником лаборатории, а ты, собирающий команду по национальному признаку, и есть этот самый антисемит. Что же касается меня, то для меня – и я повторил ему слова о моем отношении к эфиопам – хороший эфиоп тот, кто хорошо работает, а плохой – тот, кто плохо работает.

¹² Система автоматизированного проектирования

Черный кот

Этот черный кот с вытаращенными глазами выскочил из-за ближайшего угла с явным намерением перебежать нам дорогу в самый торжественный момент, когда мы, наконец, собрали последние шмотки, выстроились по росту: я – папа, дочка Леночка одиннадцати лет и мама. Я последний раз проверил, выключен ли газ, мама последний раз выругала меня за это идиотом-перестраховщиком, заперли на все запоры дверь. Я три раза проверил, заперта ли дверь, мама еще раз обругала меня перестраховщиком. Нагрузились вещами: на меня взвалили здоровый рюкзак и два здоровых чемодана, на маму – сумочку, на Леночку – помогать маме, и двинулись вперед.

Впереди маячила самолетная прогулка в Симферополь, затем Анапа и конечный пункт – Геленджик. А там море, дельфины, и спи сколько угодно, поскольку отдых семейный. В кармане три путевки в гостиницу «Солнечная», где нам принадлежит на ближайшие двадцать дней номер на троих, трехразовое питание. А также предстоит ожесточенная борьба между мамой и папой по вопросу: нырнуть Леночке с маской и ластами на полметра в морскую глубину или болтаться на поверхности в соседстве с взбаламученными отбросами цивилизации в виде мусора.

Итак, вперед! А впереди... этот самый черный кот с вытаращенными глазами. Мама уронила сумочку. Леночка стала ее успокаивать. Я бросил чемоданы и рванул наперерез коту. Не тут-то было. Кот, как будто чувствуя, что с рюкзаком за спиной я далеко не убегу, не обращая внимания на мое спортивное прошлое, задрал хвост и бесстрашно перебежал нам дорогу. «Наглец!» – решил я, бросился за ним и... поскользнулся.

– Что с тобой? – спросила мама, когда я поднимался, покряхтывая.

– Вляпался, – говорю, – во что-то.

Собственно, я знал, во что. Просто говорить было неудобно. Настроение было испорчено. Надо отмываться, а отмываться уже некогда. Пошли дальше. В аэропорту нормальная погода, но наш вылет, конечно, задерживается. Все летят, а мы нет. Из-за неприбытия самолета. Я-то знаю, из-за чего. Из-за этого паршивого кота! У нас с сегодняшнего дня путевка горит, нам сейчас положено под южным солнцем загар приобретать, а мы в аэропорту загораем, ждем отбытия из-за неприбытия.

Наконец отбываем. Я свои вещи сдал, а сумку с собой. Мне мама хозяйственную сумку с продуктами всучила. У всех все в порядке, а когда я подошел, женщина-контролер нюх навестила, И чем это я ее внимание привлек? Я, конечно, догадываюсь – кот виноват. Но молчу. А женщина тем временем что-то ищет в моей сумке. Нашла! Початую бутылку водки.

– Нельзя, – говорит.

– Ну, так я ее сейчас допью.

– И это тоже, – говорит, – нельзя.

– А что же можно?

– А вот сейчас выясним.

И достает из сумки бутылку «Абу Симбел».

– Что, – говорит это?

– Как что, «Абу Симбел», – говорю, – бальзам.

С этим «Абу Симбелом» у меня самые тяжелые воспоминания связаны. Я однажды на Горьковском море эту бутылку увидел и загорелся. Денег нет, а последний червонец все-таки заплатил. Привез домой. В холодильник ее, родную, желанную. Приготовились. Мама говорит:

– Ну, пробуем.

Открывает холодильник. Грох! Бутылка на пол, вдребезги. Я после этого неделю спать не мог – дергался. А тут: что это, да что это?

– Это, – говорю, – тот самый «Абу Симбел», который я случайно в Москве достал и теперь хочу в отпуске, наконец, попробовать.

– А мне, – говорит, – наплевать, что ты там пробовать будешь. Может, это горячее какое у тебя в бутылке, а с ем в самолет нельзя.

– Конечно, – говорю, – горячее.

Отвинтил пробку.

– На, – говорю, – понюхай.

Понюхала.

– Точно, – говорит, – горячее, сейчас милицию позову.

Подходит милиционер, взял у меня початую бутылку водки, «Абу Симбел», вывел на улицу и говорит.

– Выливай.

У меня аж дух перехватило.

– Как, – говорю, – выливай! На каком основании?

– А на том основании, что винно-водочные изделия можно перевозить только в заводской упаковке.

– А что, – говорю, – бутылка уже стала не заводской упаковкой?

– Заводская-то она заводская, только упаковка нарушена. Понял?

– Понял, – говорю, – водку готов оставить, а «Абу Симбел» при чем?

– Там, – говорит, – тоже нарушена.

– Но ведь нарушено-то, – говорю, – для того, чтобы контролера убедить, что это «Абу Симбел», а не взрывчатка какая-нибудь.

– А мне, – говорит, – какое дело. Выливай, и все тут.

Тут я взвыл совсем.

– Дай, – говорю, – хоть кому-нибудь отдам. Все-таки польза.

Ни в какую. Он милиционер, ему все можно, а я даже бутылкой его треснуть по башке не имею права.

Пока мы так беседовали, маму с Леной уже в самолет разместили. Взглянул я, а их нет!

– Ладно, – говорю, – черт с ними, с бутылками, а мне пора бежать, в Анапу.

А милиционер не унимается.

– Теперь, – говорит, – давай актик составим.

Ну, думаю, нет! Бутылки отобрал, да еще содрать с меня хочет.

– Пишите, – говорю, – ваш актик. Я подожду.

И жду. Он пишет, а я жду.

– Все? – говорю. – Все написал? Ну, молодец!

– Все, – говорит.

– Вот моя подпись. Теперь, – говорю, – можно идти?

– Иди, иди, – говорит, и ехидно улыбается.

И я пошел. Собственно, не пошел, а поскакал, как бешеный. Влетел в самолет, озираюсь. Где тут моя Галочка с Леночкой? Не вижу. Появляется стюардуса и говорит:

– Дорогие товарищи! Командир корабля и его экипаж приветствуют вас на борту турбореактивного самолета, вылетающего в Архангельск.

– Какой Архангельск? Мне в Анапу надо!

Вылетел, как через выхлопную трубу, заметался по аэродрому между взлетными площадками. Самолетов много, и все шумят. Слышу, один самолет шумит громче других. Это Галочка шум подняла, а публика ее поддержала.

На борт меня приняли, успокоился. Я даже вздремнул при взлете, и как раз мимо моего носа даровую газировку пронесли. Проснулся... поздно. Просить неудобно. Подумают, что жадный. Им же про кота не объяснишь.

Не буду рассказывать как, но мы все-таки добрались до нашей гостиницы «Солнечная». Туристов куча: одни живут в деревянных домиках за восемьдесят рублей, другие в трехэтажном доме – за девяносто рублей, а наши путевки в семиэтажное здание с балконами по сто тридцать одному рублю за одно место. У всех, естественно, тридцатипроцентные, а я четыре сотни наличными отвалил. Этот отпуск как средней величины пожар. Все, что я за год в политехническом институте после работы нахалтурил, за эти двадцать дней оплатил.

Сунулся в регистратуру.

– Здравствуйте, – говорю и улыбаюсь. Поддельной такой, натянутой улыбкой улыбаюсь, черный кот померещился.

А регистраторша смотрит на меня совсем серьезно.

– Приехали? – говорит.

– Да, да. Нам бы со второго по шестой этаж, восточную сторону, на троих.

– Ишь чего захотел! У нас сегодня, – говорит, – последний день заезда, так что все номера уже заняты. Придется в разные размещать.

– Как это, – говорю, – как это? За такие деньги и в разные!

Тут другая женщина подошла.

– Чего шумишь? Деньги все равно платил профсоюзные, а шумишь.

У меня аж дыхание перехватило. Еще немного, и эти булькающие звуки женщины были бы у нее последними в жизни, так же, как и мой отпуск.

Смотрит администраторша на меня с удивлением. Первый раз на ее глазах седой человек во цвете лет по поводу профсоюзных затрат концы отдать готов. И вымолвить ничего не может. Сжалилась.

– Есть у нас, – говорит, – на первом этаже номер без туалета, а на втором – с туалетом, но малогабаритный, на двоих с тремя кроватями. Ладно уж, занимайте любой.

Заняли мы малогабаритный, разместились и – в столовую. А там все места уже заняты, и нам по разным столам предлагают. Галочка, естественно, возражает – Леночка без ее гипноза ни одного куса не проглотит. Ладно, сели мы, наконец, за стол. Я и спрашиваю соседей по столу, не произошло ли здесь чего-нибудь мерзопакостного, что бы помешало нам спокойно отдыхать. А самому опять кот мерещится.

– Как? – говорят. – Произошло! Сегодня, как только вы приехали, городскую канализацию прорвало. Прямо в бухту. Теперь неделю купаться запрещено.

«Ну, – думаю, – это уж слишком! Ладно, гад, пусть будет по-твоему эти двадцать дней, но не больше. Приедем домой, первым делом поймаю тебя, зараза, тебя, черного котяру с вытаращенными глазами и, если ты у меня человеческим голосом прощения не попросишь, перекрашу тебя хной в рыжий цвет, чтобы от тебя кошки в разные стороны разбегались».

Братик

У меня есть братик Юрий Павлович Шаров, на четыре года моложе меня. Этим летом ему исполнится восемьдесят три годика. Как старший брат я, естественно, всегда вникал в его текущие дела. Надо сказать, что братик мой, в отличие от меня, спокойный, размеренный, как будто тяжелый на подъем, но в какую бы мы игру с ним ни играли, то ли это шашки, то ли карты, где требуется сообразительность, то ли настольный хоккей, где требуется быстрота реакции, он всегда меня обыгрывал. Но там, где я проходил через лабиринты жизненных ситуаций и оказывался у цели, он по непонятным причинам застревал на полпути. Я, не имея никаких природных данных, ушел в конькобежный спорт, не бросал это занятие, пока не были исчерпаны до конца те невысокие возможности моего организма. Братик, будучи в юные годы некрупным пацаном, пошел в классическую борьбу, и, когда вскоре бросил это занятие, к нашим отцу и мамаше чуть ли не с мольбами приходил тренер братика, рисуя родителям прекрасные перспективы Юрия в спорте. По словам тренера, такие самородки встречаются редко, и надо во что бы то ни стало вернуть его в спорт. Но, по каким-то внутренним, противоречивым соображениям, братик бросил заниматься борьбой в самом начале своего спортивного пути. Я поверил словам тренера только тогда, когда стокилограммовый братик пришел после службы в армии, поднял меня своими ручищами и сказал:

– Ну, здорово, брательник.

Но это было потом, а раньше была его попытка поступить на радиофак Горьковского госуниверситета. Так сказать, по стопам старшего брата. К сожалению, неудачная. Не пройдя по конкурсу, он очень расстроился и, как мне показалось, сломя голову, подал заявление на прием в ракетное военное училище, размещенное в Тобольских казармах. Экзамены сдал на пятерки. Преподаватели училища были довольны своим молодым курсантом. А я переживал за него. С армией не шутят. Из офицеров просто так не уйдешь. Я пытался внушить Юрию, что лучше потерять три года в армии по призыву солдатом, чем попасть в опасную историю, если вдруг прозришь, что офицерская служба – не твое призвание. Думай! Сейчас я виню себя за то, что пытался как-то воздействовать на брата. Может быть, из него получился бы хороший военный. Человек должен сам решать свою судьбу. И он решил. На первом же курсе, на первых экзаменах он просто не отвечал ни на один вопрос. Преподаватели поначалу были в замешательстве. Последовали собеседования, но брат молчал. И тогда все стало ясно. Наказание последовало немедленно: двадцать суток гауптвахты и направление в какой-то штрафной полк, служить. Приходилось тяжело. Полк охранял какие-то секретные объекты. Спал братик по три часа в сутки. Но интеллект взял свое. Сначала братик стал писать стихи в местную газету и газету «Звезда». Потом стал редактором местной газеты и, наконец, комсомольским в дивизии. Пришел домой крепким бугаем, поступил техником в ЦНИИ-11, где я уже работал инженером, поступил на вечернее отделение радиофака ГГУ и женился. По окончании вуза стал инженером и активно включился в создание стандартов частоты. Наш институт в этом вопросе выходил на передовые рубежи в мире. Задачей братика была разработка сложных систем многоступенчатых термостатов для этих стандартов.

Когда я прошел все перипетии защиты диссертации, я поинтересовался отчетами братика и сказал:

– Братик, материал хороший. Систематизируй и пиши «кирпич».

– А как же аспирантура?

– Аспирантура нужна, если тебе нужна помощь научного руководителя. Если не надо, то и не надо.

– А как же защищаться без руководителя?

– А формального руководителя найдем там, где будешь защищаться. А сейчас пока не теряй время, готовься.

И братик начал готовиться. Вступил в группу соискателей для сдачи кандидатского минимума по иностранному языку и философии. Кандидатские экзамены по этим предметам – обязательные ступеньки в преддверии защиты диссертации. Началась работа, о которой никто из начальства не знал.

И вот, старший инженер Шаров Юрий Павлович стоит в нерешительности у входа в кабинет главного инженера института. А рядом я. Соображаем. Главный инженер Фатеев Борис Петрович – очень энергичный, жесткий организатор, выходец из того отделения, где работал мой брат. Когда Фатеев был начальником отделения, у него хватало времени на все, он решал все вопросы разработок, накачивал начальников отделов, секторов, доходя со своими рекомендациями до техников. Само собой, когда появлялось новое техническое решение, в качестве авторов выстраивалась вереница начальников рангами по убывающей, и часто бывало, что тот инженер, кто предложил это решение, оказывался где-то там, в районе телячьего хвоста. В этом, собственно, не было ничего удивительного – в разработки вкладывались большие государственные деньги, и труд по созданию новой техники, по существу, был общественным. Став главным инженером, Борис Петрович не оставил своего патронажа над отделением, где он раньше был начальником. Неудивительно, что благодаря высокому техническому тону в этом отделении, отделение это стремительно разрасталось и к описываемому моменту составляло чуть ли не половину института. В этой ситуации было довольно опасно появиться со своим фолиантом, как черт из пробирки и просить его величество главного инженера института Бориса Петровича, чтобы он пристроил тебя на защиту на каком-нибудь научном совете. Чего доброго, возмутится и тормознет защиту на неопределенный срок.

– Знаешь, братик, давай не будем пороть горячку, отложим. А я попытаюсь что-нибудь придумать.

– Хорошо, отложим.

И я придумал. В это время в институт приехал некий профессор Баржин из Харьковского военного училища. Я, через моего хорошего знакомого Воинова Бориса Сергеевича, вышел на Баржина и договорился о его встрече с братиком. Братик всучил ему проект диссертации, и председатель ученого совета Харьковского военного училища, полковник, доктор технических наук Баржин, просмотрев диссертацию, согласился быть научным руководителем, сделал необходимые замечания и назначил срок предварительной защиты. Братик, окрыленный свалившейся на него удачей, заработал, как отлаженный механизм. Предварительная защита прошла «на ура». Началась подготовка к основной защите. Надо было собрать штук двадцать отзывов ученых советов различных НИИ, КБ и вузов. Тут я, недавно прошедший эти медные трубы, был весьма полезен. Один из отзывов должен был подписать главный инженер опытного завода нашего института Чернов Владимир Николаевич. На его производственной базе изготавливались термостаты различных стандартов частоты. Я принес ему отзыв. Надо сказать, что в основном на опытном заводе изготавливались небольшие по размеру термостаты для рубидиевых стандартов частоты. Сложных систем термостатирования водородных стандартов частоты, в разработке которых принимал участие братик, было изготовлено всего несколько штук. Поэтому, прочитав отзыв, Волков спросил:

– А что, разве и на термостатах можно защитить диссертацию?

– Ты на чем сидишь? – спросил я.

– На том же, на чем и ты, на заднице, – ответил он.

– А она на чем?

– На стуле.

– Так вот, на стуле тоже можно защитить диссертацию.

– Почему?

– Потому, что стул может быть разным, жидким, например.

– А может быть запор, – перебил меня Владимир Николаевич.

– Нет, запор может быть у тебя. А стул может быть жидким, плетеным, деревянным, металлическим, крутящимся, мягким, электрическим и министерским. Представляешь, министерский стул – какая это прелесть, а?

– Ну, хватит, хватит, убедил.

Зато главный инженер Киевского завода, имеющий представление о простейших термостатах для рубидиевых стандартов частоты и не имеющий этого представления о термостатах для водородных, сверхточных стандартов частоты, набросился на меня чуть ли ни с кулаками. Я ушел от него, благодаря Всевышнего за то, что на моем месте был я, а не мой брательник. Брат бы расстроился и отказался от защиты. Я же – ничего, вышел от него, отряхнулся, подписал отзыв у третьего зама главного инженера, поскулив у него по поводу того, как не любит ваш начальник нас, горьковчан, и спокойно уехал.

Когда подготовка к защите была закончена, и братик получил число и месяц того момента, когда его будет заслушивать ученый совет Харьковского училища, когда «кирпич», то есть диссертация, был размножен в трех экземплярах, плакаты подготовлены, текст двадцатиминутного доклада был выучен наизусть, братик собрался ехать в Харьков. Но, увы, не зря же я говорил в самом начале, что братику фортуна всегда показывала для начала совсем не то место. Так получилось и в этот раз. За день до торжественного момента защиты братиком его диссертации пришло известие, что ученый совет Харьковского Военного училища (ХВКУ) закрыт Высшей Аттестационной Комиссией, как и многие другие ученые советы. Братик сник.

– Ничтяк, – подбадривал я его, – прорвемся.

Я созвонился с главным оппонентом на моей прошлой защите Львом Петровичем Кучиным, полковником, доктором наук, профессором, зав. кафедрой, председателем ученого совета Харьковского Авиационного института. И мы с братиком поехали в Харьков.

В кабинете Льва Петровича Кучина мы вручили ему один из предварительных экземпляров диссертации. Он полистал труд и на следующий день дал согласие быть руководителем этой работы, и предложил готовиться к предварительной защите в Харьковском Авиационном институте (ХАИ). Прошло время. Подходил срок предварительной защиты. И вдруг! Известие! По рассказам знакомых из Харькова, холостяк Кучин Лев Петрович что-то там позволил непозволительное с какой-то из секретарш. Та на него телегу в партком (не балуй, чем попало), парткомики всполошились, и вот вам результат: нет в ХАИ полковника, доктора технических наук, профессора, заведующего кафедрой, нет председателя ученого совета Кучина Льва Петровича. Слиял... вместе с нашим экземпляром диссертации. Братик снова сник.

– Ничтяк, – сказал я ему, – упорство и труд все перетрут.

Сказано – сделано, и я начал зондировать ситуацию в Харьковском Политехническом институте (ХПИ). А там!!! Там, известный уже нам, Баржин, собственной персоной! Ушел из военного училища в ХПИ. Вопрос снова на мази. Баржин – руководитель, и пора готовиться к предварительной защите. И снова по-накатанному, предварительная защита принята «на ура». Назначено время основной защиты.

И вот она, основная защита. Все, кажется, в порядке. Ученый совет ХПИ – совет высокого ранга, которому разрешена защита не только кандидатских, но и докторских диссертаций. Вот только, одна заковыка. Совет проводится последний раз, после чего закрывается решением ВАК¹³. А кворума нет и нет. А время идет и идет. Члены совета явно игнорируют последнее заседание. Защищаться, как и принято, будут двое. Один – мой братик, второй – местный. Договариваемся с местным, который обеспечивает две легковых машины. И начинается работа. Ловим членов ученого совета по домам, по различным местам отдыха. Наконец, до кво-

¹³ Высшая аттестационная комиссия

рума не хватает одного. Уже прошло полчаса ожидания. Высокonaучная публика начинает недовольно ерзать. Братик ходит по коридору взволнованный. «Неужели снова в тартарары?»

– Ничтяк, братик, – успокаиваю я его, – у нас в запасе есть еще один, последний вариант.

– Какой?

– А вот какой. Кто у нас руководитель в Высшей Аттестационной Комиссии СССР? Угрюмов! Так вот у нас есть еще одна возможность, возможность написать этому Угрюмову веселое письмо о том, что-де, мол, мы послали диссертацию в один совет – его по вашей угрюмовской воле разогнали, направили в другой – тоже разогнали, и в какой бы совет не попала наша диссертация, совет лопадется, как мыльный пузырь. Потеряв надежду на реализацию нашего законного права на защиту диссертации, мы, уважаемый товарищ Угрюмов, высылаем эту диссертацию вам, в ВАК, и пусть вас разнесет в мелкие научно-интеллектуальные брызги. И не пугайте, пожалуйста, своей фамилией нас, рвущихся к высотам знаний, законопослушных граждан страны. Ну, как? Успокоил?

– Успокоил, – ответил братик.

Вдруг нам сообщили радостную весть: последний из отсутствующих членов совета, подполковник такой-то, был замечен с сумкой, наполненной продуктами, на такой-то улице, переходящим в неположенном месте трамвайную линию, был задержан милиционером для разъяснений, но неожиданно отбит и захвачен одним из наших экипажей. У подполковника отобрали сумку с селедкой, запихнули в машину и наставили на него авторучку: «Господин профессор, нужно исполнять долг». Кворум был обеспечен, и совет начал работу. Братик развернул свои плакаты и, в том числе, большого размера фотографию сложных систем термостабилизации, каких ученые вуза видом не видели, слухом не слышали. В выступлениях оппонентов и рецензентов прозвучали ласкающие слух предложения: а не присудить ли братику степень доктора технических наук? Это было опасно, так как, приняв такое решение, совет мог спровоцировать отрицательное решение ВАК. Здравый смысл восторжествовал – братику присудили ученую степень кандидата технических наук.

То ли руководство нашего института было оскорблено такой самостоятельностью братика, то ли оно просто не заметило события защиты, только братик как был, так и оставался ведущим инженером, и перевод его в старшие научные сотрудники с повышением оклада не предвиделся. И он ушел на эту, соответствующую его остепененности, должность на другое предприятие. Но это уже другая история.

Человек – машина сложная

Какая сильная машина человек! Он может годами мучиться, сопротивляясь настигнущим его болезням. Какая слабая машина человек... Достаточно одного сильного удара половинкой кирпича, и он уходит от нас навсегда. Когда тебя настигает боль, ты бежишь куда? К врачам. Конечно, им как специалистам своего дела надо верить. Особенно в экстремальных ситуациях. Тебе очень, очень больно. Ты – к нему. Он тебе укольчик, или клизмочку, или отрежет что-нибудь – и тебе стало легко-легко. Бывают, правда, и ошибочки.

Бежит, например, дедуля по улице, быстро бежит – торопится. Прохожие завидуют: «Во скачет! Спортсмен! Нам бы так». А на проверку оказывается – диарея у него, съел чего-то, вот домой и торопится. Только бы донести успеть.

Или еще: идет, к примеру, Василий Петрович, глаза покраснели, слезятся.

– Что, Василий Петрович, глазки заболели? Вот вам капельки. Три раза в день по две капельки в каждый глазик.

– Да при чем тут глаза?! Геморрой у меня в острой форме. Житья нету.

Вот вам и ошибочка. Утрирую, конечно. Но бывают случаи и посложней.

Это было в 1979 году. Схватился я однажды на оперативке за сердце. В груди спазм, дышать трудно, сердце ломит. Пришлось извиниться, распустить оперативку и вызвать врача со шприцем. Вколол. Отошло, но ненадолго. Сердце болит: то его колет, то режет, то щиплет. Валидол не помогает. Нитроглицерин помогает, но не сразу, минут через пять. В сердце боль утихает, зато башка раскалывается – нитроглицерин. Пришел в поликлинику к заводскому терапевту Нине Ивановне. Выслушала, прослушала, постучала, поставила диагноз: ишемическая болезнь сердца – и выписала направление в больницу №38 для лечения в кардиологическом отделении.

Конечно, врачам, как я уже сказал, надо доверять, но... так и хочется проверить. Не любят они, врачи, этого, а мне хочется. Из 38-й больницы как раз только что мой товарищ Боярский выписался.

– Ну, как, – говорю, – вылечили?

– Вылечили, – отвечает, – полтора месяца пролежал. Лечили, лечили, а сердце все болит и болит. Подошел один хирург, посмотрел на меня и говорит врачам: «Чего вы его сердечно-сосудистую систему треплете? Язва желудка у него». У меня от его слов боли в сердце как рукой сняло.

– Ну и что? Радуйся.

– Чему радоваться-то? Вместо сердца желудок заболел, да так, что не разогнешься.

– Вот это да!.. Ну и что, вылечили?

– Теперь вылечили. Полжелудка оттяпали.

Задумался я: «Продублировать бы Нину Ивановну. Не дай Бог, ошибка. Если уж учиться на ошибках, то лучше уж на чужих». Подумал я так и пошел в областную больницу за консультацией. А к кому идти, пока не решил. Топаю по второму этажу больницы и вижу табличку: «Профессор Вагралик». Я в медицине не силен, но знаменитостей знаю. Вадим Габриэлович, по моим представлениям, главный спец в Горьком по иглоукалыванию. У меня даже книжка его есть. Захожу.

– Здравствуйте, Вадим Габриэлович. Можно к вам на минутку? Я Шаров Павел Павлович, главный инженер СКБ РИАП. Знаю вас как высококлассного ученого, специалиста. Книжку вашу по иглоукалыванию читал.

– Очень приятно. А что за вопрос?

– Вопрос – это, – говорю, – я сам и есть, если на меня в профиль взглянуть. Разогнуться не могу. Вот сейчас разговариваю с вами, а сердце разрывается. Посоветуйте, пожалуйста, к какому врачу обратиться.

– Я вас понял, Павел Павлович. Вот вам записочка к заведующему кардиологическим отделением. Он подскажет.

– Спасибо, Вадим Габриэлович.

И я пошел к кардиологам. Повертели меня, покрутили, кардиограмму сняли.

– Годен, – говорят, – к строевой службе.

– А как же, – спрашиваю, – сердце?

– А его у вас нет.

– Как это?

– А так. Сердце бывает только у больного человека. А здоровый его не ощущает.

– Простите, но я-то его так ощущаю, что плакать хочется.

– А как?

– Что как?

– Ощущаете как?

– Ну, режет, колет, давит, жмет, даже щекотит иногда. Сейчас вот через каждые две секунды будто стреляет кто в него. Аж подпрыгиваю.

– Хорошо. Вот тебе бумажка в гастроэнтерологическое отделение. Попробуй там пострелять.

Гастроэнтеролог взглянул в бумажку, посмотрел на меня.

– И что с вами?

– В сердце стреляет, – пожаловался я и подпрыгнул на стуле от боли.

– Интересно, – сказал врач, – разденьтесь.

Разделся. Врач пощупал живот.

– Вроде все в порядке. Завтракали сегодня?

– Нет, – говорю, – мне не до завтраков.

– Идите на первый этаж. Кабинет номер восемь.

– А что там делать?

– Там скажут.

Пришел, показал направление врача. Круглолицая бабуля в замасленном халате посмотрела на меня строго, как бывший ефрейтор медицинской службы на рядового необученного, и приказала:

– За мной.

Завела меня в процедурную, заставила снять штаны и вкатила литра полтора живительной влаги из-под крана в то самое место, на котором члены профсоюза на собраниях штаны просиживают.

– Уи-и-и... – издал я доходчивую фразу на языке наших предков, лазающих по деревьям, и ринулся в кабинет «ОО».

Когда вышел, ефрейтор встретила меня строгим взглядом. В руках у нее была следующая порция тонизирующего. Экзекуция повторилась.

– А теперь вставай в очередь и жди, когда тебя вызовут.

Я встал в очередь. Передо мной – два ушибленных болезнью гражданина. Я хотел сесть в ожидании своей очереди, и тут только заметил, что я стою... разогнувшись.

«Ничего себе, – подумал я, – а где же сердце?»

А его нет. Нету, и все тут. Только что было, разогнуться не давало, а теперь нет. Я бывший спортсмен. «Дай, – думаю, – влечу на четвертый этаж больницы по лестнице». Взлетел. А сердца все равно нет. Спустился, снова взлетел. «О! Дыхалка заработала, а сердце – нет». Захожу в кабинет врача.

– Извините, – говорю, – меня медсестра клизмотроном вылечила. Так что уж простите.

– Сейчас посмотрим. Снимите рубашку, возьмите стакан с барием и выпейте.

Я выпил барий (это такой белый порошок, в стакане с водой перемешанный).

– А теперь вставайте вот сюда, под рентгеновский аппарат. Смотреть будем.

Покрутила, повертела меня и говорит:

– У вас дискинезия желчных путей, холецистит в страшно запущенной форме. Вам срочно нужно стационарное лечение.

И я стал в больнице лечить дискинезию желчных путей. Прошло много лет, а я ее лечу и лечу. Периодически. К своему удивлению, даже средство простейшее нашел: выпил стакан горячей воды – и все как рукой снимает. И сердца после этой простейшей процедуры как не было, так и нет. Так что человек – машина сложная, и не каждый врач в ней с ходу разберется, одно ясно: пить надо меньше.

Приглашение

Если Земля, по мнению древних, стоит на трех слонах, то это, в конце концов, оказалось фантазией древних. Но вот совсем не фантазией было то, что завод РИАП в свое время держался на двух столпах, на директоре Василии Павловиче Морозове, высоком, грузном, малоподвижном человецище чувашской национальности, и менее высоким, но тоже толстым главным инженере Копылове Викторе Селиверстовиче. Основным достоинством обоих было умение управлять людьми. Оба они стоили друг друга. Иногда Виктор Селиверстович заходил в кабинет директора, предупреждал секретаршу, чтобы никого близко не допускала к двери в этот кабинет, и начинался бой титанов. Секретарша выгоняла всех из приемной, потому что из кабинета директора раздавался такой грохот, ругань и брань, что слышать это посторонним было нельзя. Виктор Селиверстович отстаивал право на самостоятельные решения. Затем шум утихал, слышалось бульканье, побрякивание, почавкивание и из кабинета выходил довольный, улыбающийся Виктор Селиверстович. Он не был пристрастен к выпивке. Зато у Василия Павловича была привычка, чтобы на любом застолье рядом с ним на столе стояли во фронт две бутылки водки или коньяку. Пил гранеными стаканами.

Наше СКБ было в те далекие времена в составе завода РИАП, и наша самостоятельность держалась на честном слове, данном директором завода РИАП директору СКБ Матвеевичу Борису Григорьевичу, бывшему до того секретарем райкома партии. Когда я, молодой главный инженер СКБ, в порядке учений по гражданской обороне с группой сотрудников был направлен выездным директором в Княгининский район, где должен был подкорректировать размещение по деревням подразделений завода в случае особого периода (это значит, когда атомная бомба жажнет), я, во-первых, зафиксировал опустевшие деревни с брошенными домами, а во-вторых, позвонил на завод, попросил Брылина Володю зайти к директору, пригласить его на контрольную проверку выполненной работы, а заодно и выпросить рублей пятьдесят материальной помощи для подготовки к этой контрольной проверке.

Когда Василий Павлович приехал, мы очень быстро закончили формальности по работе и приступили к главному мероприятию. Рядом с Василием Павловичем выстроились две бутылки водки, и мы начали «употреблять» за особый период, то есть, простите, за то, чтобы его как можно дольше не было. За трапезой я стал поскуливать по поводу основного вопроса, который мучил меня последнее время.

– Василий Павлович, не секрет, что работа инженерного состава на заводе более напряженная и требующая быстрых решений, чем, например, у разработчиков.

Василий Павлович понимающе кивнул. А я продолжал:

– Если создать разработчикам такую же нервную обстановку, то они своими быстрыми решениями создадут черт-те что, но только не то, что надо. Разработчик должен иметь время подумать.

– Ну, и что ты хочешь этим сказать? Пусть думают.

– Я хочу сказать вам спасибо за то, что мы являемся единственным СКБ, если не считать группу в пятьдесят человек в Брянске, которое не пропало в круговерти срочных заводских задач.

– А что? Есть пропавшие?

– Конечно. Я был на заводе в Махачкале. Разговаривал с начальником СКБ. Так они уже забыли, когда занимались разработками. Они уже давно – подразделение сопровождения новой техники в отделе главного конструктора завода. Да и далеко ходить не надо. У нас в ГЗА-С¹⁴е тоже когда-то было сильное СКБ, и тоже пропало в задачах завода.

¹⁴ Горьковский завод аппаратуры связи

– И как ты думаешь, почему?

Конечно, Василий Павлович знал, почему. Ему хотелось добраться до того, что мне, собственно, надо.

– А потому, что предприятия-разработчики, в отличие от зарубежных фирм, это отдельная группа предприятий с отдельным государственным финансированием. А заводы – это отдельная группа, которой руководство главка преподносит новые разработки бесплатно, да еще платит деньги за подготовку производства при внедрении этой новой техники. Да при этом у заводского руководства появляется дополнительная головная боль, так как объемные и экономические показатели падают. Вот и нет у руководителей заводов интереса содержать разработчиков на своих штатах. Своих задач полно. А вот вы содержите.

– И что вам не нравится?

– Да то, что содержите-то вы нас с путами на ногах. Не разбежишься. Человека взять на работу – к вам, затраты какие – к вам. Без вас ни отдел кадров, ни бухгалтерия для нас пальцем не шевельнет.

– И что ты предлагаешь?

– А посадить нас на отдельного коня, вооружить мечом, чтобы мы, как Алеша Попович рядом с вами, Ильей Муромцем, общее дело делали, не испытывая затруднений. В план СКБ можно включить текущую модернизацию выпускаемой заводом продукции, разработку нестандартных автоматизированных средств. Мы получим возможность саморазвиваться. От нас вам пользы гораздо больше будет.

Разговор прервался, когда две бутылки были выпиты. Больше Василий Павлович не пил, он сел в Волгу и уехал. Но мина была заложена, и пришел момент, когда он согласился с нашим предложением и отпустил СКБ на свободу. Мы стали СКБ РИАП – самостоятельное предприятие в соответствии с приказом министра. Конечно, для решения этого вопроса активно поучаствовал и Борис Григорьевич Матвейчев.

Но вот фундамент завода РИАП закачался. Василий Павлович лег однажды спать да с улыбочкой на устах и приказал долго жить, а Виктор Селиверстович Копылов был назначен директором одного из крупных заводов в городе Горьком, завода имени Ленина. Появились новые люди. Директором стал бывший второй секретарь горкома партии в городе Арзамасе Ермаков. Было тогда такое общепризнанное правило, направлять на ответственные хозяйственные посты бывших партийных функционеров. Арзамасский регион славился большими урожаями лука. С легкой руки какого-то шутника Ермакова прозвали луководом. Он не обижался, он знал себе цену. Ермаков был далек от радиоизмерительной техники, как Плутон от созвездия Малой Медведицы. Поэтому, чтобы не плутать в дебрях новой техники, он поставил задачу подобрать себе главного инженера, который бы самостоятельно решал все технические вопросы. Главным инженером на заводе стал Михаил Яковлевич Широков, бывший начальник ОТК, отличающийся высокой рвением в борьбе за качество, гигантским трудолюбием и явным неумением организовать работу большого коллектива. Почти каждое утро начиналось оперативкой, на которой присутствовали все руководители цехов и отделов. Широков доставал пачку толстых тетрадей и начинал доскональный допрос, где какая деталь застряла. Поскольку этих застрявших деталей были тысячи, оперативка длилась иногда до обеда и, в связи с тем, что на ней застревал весь управленческий аппарат, в производстве застревало все, что способно было застрять. Если его предшественник Копылов Виктор Селиверстович, механик по образованию, верил в людей, и дело шло, то Михаил Яковлевич, радист по образованию, никому не верил и все хотел сделать сам. Новый директор понимал, что надо что-то делать.

Однажды, кому-то пришла неплохая мысль создать на заводе цех новой техники, с тем, чтобы наиболее квалифицированные рабочие готовили опытные партии новой техники, не мешая ритму выпуска вала. «Желание-то у меня есть», – сказал один из персонажей итальянского кино, с воодушевлением поглядывая на Софи Лорен. Дело в том, что возможности

у этого персонажа иссякли. Так и у руководства завода РИАП появилось желание, но где его воплотить в жизнь? Места нет. Когда есть что, есть как, но негде, это ведь тоже трагедия. Кроме того, эпоха развитого социализма породила еще один феномен, который можно было бы назвать «спихнизмом». На заводе все поняли, что такой цех – это очень большая головная боль, и надо было эту идею на кого-то спихнуть. И как всегда в таких случаях, взоры всех сразу же обратились на нас, на СКБ. А, надо сказать, что вплоть до 1991 года, до того момента, когда почти вся оборонная промышленность полетела к чертовой матери, так вот, до 1991 года было принято держать науку на коротком поводке у производства. Выражалось это, в частности, в том, что все, в том числе и самостоятельные, Специальные конструкторские бюро (СКБ) не имели на своих балансах производственных площадей. Площади принадлежали заводам. Исключением были только научные предприятия в статусе Научно-исследовательских институтов. СКБ обладало своим оборудованием, бухгалтерией, отчетностью за газ, свет, воду и так далее, но все это парило как бы в воздухе, располагалось на чужих площадях. Вот и решил товарищ Ермаков создать цех на площадях самостоятельного тогда уже СКБ. Я быстро прикинул, и получилось, что цех этот должен быть приблизительно в два раза больше по площадям, чем наше СКБ. Главный технолог завода Станислав Иванович Сорокин добросовестно просчитал, получил, по-видимому, похожий результат, доложил этот результат Ермакову, чего-то они там пошушукались, и Ермаков назначил совещание на эту тему. На совещании он изложил суть задачи, обратился к директору СКБ Матвейчеву Борису Григорьевичу:

– Как вы, Борис Григорьевич, смотрите на эту идею? Вы согласны с ней?

Борис Григорьевич кивнул головой сверху вниз, обозначающее «да». Он еще ни разу в своей жизни не делал у начальства движения головой, обозначающее «нет». Он прекрасно понимал, что его мотание головой, обозначающее то ли «да», то ли «нет», сегодня значения не имеет и на решение совета не повлияет. Его пригласили только для того, чтобы констатировать ему факт принятия решения. Сам же Борис Григорьевич прекрасно понимал, что все то, что здесь происходит, есть не что иное, как балаган. Как можно решением директора завода ликвидировать СКБ, созданное приказом министра и имеющее в своем плане особо важные разработки? Я же проскочил на совещание вообще без приглашения.

– Станислав Иванович, – обратился Ермаков к главному технологу, – вы подготовили планировку цеха?

– Так точно. Подготовил.

– Ну, так покажите нам ее. Расскажите о размещении подразделений.

– Не могу...

– Почему не можете?

Ермаков явно был удивлен.

– Так ведь тут Шаров сидит.

Ермаков перевел взгляд на меня. Да, действительно, сидит. Послышался легкий смешок, потом совещание грохнуло со смеха. Когда смех утих, Ермаков, понимая в чем дело, сказал с усмешкой:

– А чего вы его так боитесь? Мы ему слова не дадим.

Решение было принято и, естественно, превратилось в пшик, а директор Ермаков кое-что намотал себе на ус.

Вскоре, по-видимому, не без инициативы Ермакова, на заводе появилась партийная комиссия объединения с участием представителей главка. Рассматривали работу завода с акцентом на деятельность главного инженера Широкова. Всех руководителей расспрашивали о нем. Мне позвонил по телефону знакомый мне заместитель директора по кадрам объединения и попросил:

– Павел Павлович, как бы вы очень кратко охарактеризовали главного инженера завода Широкова?

– Кратко?

– Да, буквально в двух-трех словах.

И из меня неожиданно вылетело:

– Очень ответственный, трудолюбивый дурак.

Это было грубо с моей стороны, но по существу точно. Через некоторое время меня вызвал к себе Ермаков и предложил следовать за ним. Приехали в головное предприятие объединения, в ГНИПИ, явились к генеральному директору объединения Гашину Владимиру Михайловичу. Тот сразу к делу.

– Павел Павлович, как вы смотрите на то, чтобы вас назначили главным инженером завода РИАП? Вот, товарищ Ермаков очень хотел бы в вашем лице иметь напарника по работе.

Предложение было неожиданным.

– Дайте переварить, Владимир Михайлович.

– Варите, варите.

Я быстро сориентировался.

– Владимир Михайлович, я в принципе не против, но с одним условием: если я останусь по совместительству главным инженером СКБ.

– А это вам зачем?

– Во-первых, я бы максимально совместил деятельность СКБ с планом внедрения новой техники завода, а во-вторых, после ухода Матвейчева на пенсию, я бы хотел стать директором СКБ.

– Видите ли, Павел Павлович, условия ставить здесь не принято. Что касается существа вопроса, то мне кажется, вы не совсем четко понимаете, что работа главного инженера завода – это значительно более сложная и напряженная работа, чем в СКБ. Кроме того, ваше перспективное желание стать директором СКБ показывает вашу привязанность к разработкам, а с таким настроем вступать в должность главного инженера завода нельзя. Дело можете провалить.

Наступила небольшая пауза. Каждый думал о своем. Ермаков с сожалением и надеждой смотрел на Гашина. Я думал о том, что один раз такая ситуация уже была, когда Борис Григорьевич Матвейчев неожиданно направил меня начальником лаборатории микроэлектроники, вопреки моему желанию стать начальником лаборатории основных радиотехнических разработок. Гашин провалился в себя. Ему надо было решать кадровый вопрос. Наконец, он очнулся и спросил:

– А как вы считаете, Павел Павлович, кто мог бы стать на заводе главным инженером?

– Владимир Михайлович, Скобенников мог бы.

Скобенников был заместителем главного инженера опытного завода ГНИПИ. Это был коммуникабельный руководитель, умеющий доверять людям.

– Скобенников? Так ведь он механик по образованию.

– Владимир Михайлович, на заводе сформировалась грамотная группа радистов и технологов, в основном выходцев из нашего СКБ. Это бывшие разработчики: начальник метрологической службы Косов Николай Александрович, главный технолог Сорокин Станислав Иванович, появился в отделе главного конструктора Воронков Александр Константинович. Это все заместители, помощники, они свое дело сделают. Скобенников – человек коммуникабельный, он их организует. А главная задача – создание на месте механического цеха № 7 цеха с числовым программным управлением. Это уж работа самого Скобенникова, который кое-что в этом направлении уже сделал на опытном заводе ГНИПИ.

По глазам высоких руководителей я понял, что попал в точку. Скобенников, не подозревая, с чьей подачи он стал главным инженером, приступил к работе. Он действительно построил цех с числовым программным управлением. Что касается меня, то строить цех мик-

роэлектроники было тяжело, но интересно, а строить автоматизированный механический цех – простите, это не мое.

Я был рад, что увернулся от этого назначения, увернулся от гигантского кабинета, от персональной машины, от большой благоустроенной квартиры, от ближайшей перспективы стать директором оборонного завода, от всего того, что отделило бы меня от окружающих людей, отделило бы меня от любимой работы, которую я сам спроектировал. Важную, полезную работу в ущерб любимой и интересной, конечно, надо делать, но только, если, кроме тебя, ее никто больше не сделает. А в данном случае – вон их сколько, претендентов на свято место, которое, как известно, пусто не бывает.

Подарок Недвецкого

Весть о том, что СКБ РИАП измудрилось выскочить из-под завода РИАП, облетела все предприятия нашего шестого главка. Аналогичную проблему решало руководство сравнительно большого СКБ в составе Краснодарского завода ЗИП. Собственно руководством СКБ, то есть его директором, был директор завода Арябянц, а фактически руководил коллективом главный инженер СКБ Недвецкий. Сам по себе, Недвецкий, несмотря на то, что не был оспененным, был очень грамотным и разговаривал с подчиненными кандидатами наук на равных. Знания его в каждом конкретном направлении были пусть не настолько глубокими, но, в силу служебного положения, ему приходилось охватывать более широкий спектр технических вопросов. Направлений-то было много. После каждого нашего с ним разговора в главке, я все больше и больше проникался уважением к нему.

Я же, без пяти минут директор СКБ, прошедший четырехмесячные курсы директоров в Москве, очень понравился начальнику кадровой службы главка Сергею Ермолаевичу. Наше знакомство с ним несколько раз подкреплялось крепкими напитками за столиками в ресторанах, где мы втроем, включая начальника научно-технического отдела главка Белоусова Бориса Ефимовича, отмечали успехи СКБ в области разработок. Сергей Ермолаевич, решая многочисленные кадровые вопросы, неоднократно предлагал мне различные соблазнительные места.

– Поезжай в Измаил, главным инженером завода.

– Не... а

– Ну, тогда главным инженером завода в Махачкалу. На вырост. Там директор на пенсию собирается. Будешь директором, членом обкома партии Дагестана.

– Не... а.

– Но почему?

– Да мне до лампочки все эти высокие должности. Я работу люблю. Понимаете, Сергей Ермолаевич? Я ее придумал, эту тематику, много лет тому назад, я ее в СКБ РИАП принес еще, будучи ведущим инженером, и я буду двигать ее до конца дней моих.

И вот я снова в главке, и со мной хотят разговаривать незнакомые мне люди. Один кадровик из Краснодара, другой кадровик из министерства, третий, судя по всему, «оттуда», поскольку все время молчит, слушает. Появился Сергей Ермолаевич, представил меня, и начался разговор.

– Павел Павлович, вы, как никто другой, понимаете значение самостоятельности научного учреждения в выборе путей и материального обеспечения при решении возложенных задач.

– Да, понимаю, прошел через это.

– То, что мы вам сейчас скажем, это пока предположение. Когда об этом заговорят руководители министерства, это будет уже деловое мероприятие. Дело в том, что предполагается отделение Краснодарского СКБ от завода и превращение его еще в один институт.

– Прекрасно. Сочувствую Арябянцу.

– Вы – один из претендентов на пост директора этого института. Что вы на это скажете? «Вот это заявочки пошли!» – подумал я.

– А когда отвечать?

– Желательно сейчас, пока мы вместе.

Я вспомнил Краснодарскую жарницу, представил себя, разбирающимся в тематической сложнятине, которая мне не знакома. Одна фазометрия чего стоит. И я решил – нет.

– Нет, – сказал я, – спасибо за доверие.

– А почему? – спросил кадровик из Краснодара.

– Вы ведь хорошо знаете Недвецкого?

– Ну, конечно.

– Так вот, я не могу быть у него начальником. Он выше меня по интеллекту.

На том и разошлись. А вскоре на мое пятидесятилетие, кроме многочисленных папок с адресами, представитель Краснодарского Конструкторского Бюро Радиоизмерительной Аппаратуры вручил мне большущие наручные часы с гравировкой: «Шарову П. П. В день 50-летия. С уважением от коллектива ККБРА¹⁵». Я понял, кто инициировал этот подарок.

¹⁵ Краснодарское конструкторское бюро радиоизмерительной аппаратуры

Перебор

Я, если честно признаться, никогда не считал большим удовольствием выпивку. Причина тому – печень. Во мне почти всю сознательную жизнь сидел жандарм – желчнокаменная болезнь. И только когда в пенсионном возрасте мне вырезали желчный пузырь, я мог распоясаться. Но было уже поздно – времена бурной деятельности прошли.

Мои товарищи на следующий день после возлияний норовили похмелиться, а я, извините за выражение, изображал графа де Блюи, но компания есть компания и мне очень часто приходилось набираться.

Георгий Дмитриевич Лощаков был одним из ведущих специалистов НТО¹⁶ шестого главка МПС. Это был человек, четко представляющий конъюнктуру в вопросах не только развития техники в нашем и других министерствах, но и в вопросах меняющихся взаимоотношений между службами и министерствами. Он четко угадывал в наших годовых планах главное звено, на которое следовало обратить внимание. Он же определял объемы финансирования той или иной работы в зависимости от побочных потребностей предприятий, например, потребностей перспективного развития со скрытым финансированием. Я помню, как одну из работ отдел хотел поручить нашему СКБ за двести пятьдесят тысяч рублей. Затем передумали и поручили ее за пятьсот тысяч более крупному СКБ Дмитрия Ивановича Филатова. В конце концов, работа досталась одному из отделений Центрального института по радиоизмерительной технике ГНИПИ за два миллиона пятьсот тысяч рублей. Такой была экономика. Если бы мне давали эти деньги за эту работу, я бы не взял, так как при наличии лимитов на зарплату, численности и утвержденной средней зарплаты мне бы просто некуда было девать деньги. А создавать на предприятии условия безделья было бы не в интересах, в том числе, и директора предприятия. Оно, это предприятие, должно энергично работать. Что касается ГНИПИ, то у него было огромное количество вновь созревающих направлений, которые надо было подпитывать по внутреннему плану. Для этого и нужны были скрытые деньги в годовых и пятилетних планах.

Итак, Георгий Дмитриевич был ценный кадр, и мы его уважали. Ходить по ресторанам он не любил, поэтому я и решил однажды зайти к нему домой с соответствующей выпивкой и закуской.

Я поставил на стол бутылку сухого вина для его жены, бутылку коньяка для нас и сказал: – Шнапс.

После третьей рюмки Георгий Дмитриевич вытащил из бара керамическую бутылку.

– Это разве шнапс? Вот это шнапс, так шнапс.

Попробовали. Оказалось – спирт. Меня очень быстро понесло на подъем настроения. А в этом случае я становлюсь очень веселым и непосредственным. После очередной рюмки я вскочил, открыл бар и вытащил оттуда коньяк выдержанный «КВ».

– Вот это, – говорю, – у тебя шнапс! Ну-ка давай попробуем.

И мы стали пробовать. Выпробовали всю бутылку. Я почувствовал легкое головокружение. «Значит, хватит», – подумал я. Но было уже поздно – уже «хватило».

Мы долго прощались с Георгием Дмитриевичем, он меня благодарил за то, что я самый непосредственный мужик. Я его – за то, что он самый умный и гостеприимный мужик. В конце концов, я уехал. Вот он, Курский вокзал. Вот он, билет на поезд у меня в кармане. Но поздно – поезд ушел. Следующий – утром. Стал звонить в справочное аэрофлота. Самолет летит через сорок минут. Поздно. Следующий – утром. Все! Остается только ждать. А ждать невозможно – выпил лишнего. Пока метро работало, доехал до метро «Комсомольская». Стучу в гостиницу

¹⁶ Научно-тематический отдел

«Ленинградская». Не пускают. Показываю свою красную книжку – пропуск в министерство – все равно не пускают. Туда пускают только по блату или по направлениям высоких инстанций. Вернулся. Сел в зале ожидания в надежде заснуть. Не получается – трещит голова. Выхожу на свежий воздух, сажусь на скамейку. Полегчало, вот-вот засну, но надо быть начеку: а вон и замаячил синий маячок. Милиция! Опасно! Убираюсь снова в зал. Итак, замкнутый круг: в зале можно заснуть, но трещит голова, на улице легче, но «моя милиция меня стережет». Вот мученье! Но должен же быть выход. Так вот он!!! В углу зала ожидания стоит огромный самовар размером с небольшую цистерну. Из нее днем чаем торгуют. Не может быть, чтобы все выпили. Открыл кран. Точно – льется, горячая. Пошел искать какой-нибудь сосуд. Причем тут какой-нибудь? Вот он – самый обычный, граненый стакан. Лежит себе брошенный после выпивки и ждет меня... тоже после выпивки. Вымыл я в горячей воде этот стакан и стал пить горячую воду. Сразу стало легче. Сколько я выпил стаканов, я не помню, только у самовара, по-моему, не убавилось.

«Вся жизнь – борьба», – вспомнил я поговорку и добавил: «А самая тяжелая борьба – с зеленым змием».

Рискуя показать себя алкоголиком, я, темнее менее, позволю себе рассказать еще об одном аналогичном случае. Произошел он со мной после того, как мы с начальником научно-тематического отдела главка Борисом Ефимовичем отметили очередное событие в деятельности СКБ РИАП. Я тогда был главным инженером СКБ, и мы договорились, что, поскольку мой поезд уходит в двадцать три пятьдесят, то можно пропустить по паре рюмок в каком-нибудь ресторанчике. Решили провести это мероприятие в ресторане железнодорожного вокзала. Взяли бутылку коньяку, выпили, закусили, и тут я решил, что правильной будет, если я провожу Бориса Ефимовича до дома. Заодно и поговорим по дороге. Тем более, что времени у меня оставалось до отхода поезда часов пять. Борис Ефимович жил около гостиницы «Советская», рядом с метро «Динамо». По дороге попалась рюмочная. Дают по сто грамм и бутерброд. Выпили, закусили. А мне вдруг страшно захотелось еще чего-нибудь съесть..

– Дайте, – говорю, – еще пару бутербродов.

– Не даем, – отвечают, – только в комплекте с водкой.

Пришлось брать с водкой. Съели бутерброды. Но водку-то не выливать. Опять выпили, но уже без закуски. Борис Ефимович начал покачиваться и рассказывать мне, что вот сейчас он придет домой, и ему надо будет изобразить из себя голодного волка, чтобы жена не заподозрила, что он где-то выпил и закусил. А сам вот-вот танец лумба—мумба затанцует.

Проводил я Бориса Ефимовича до подъезда и пошел к метро «Динамо». Времени до отхода поезда три с половиной часа. Иду и вижу, что пешеходная дорожка все круче и круче норовит повернуть то вправо, то влево. «Ого! – думаю. – В метро-то меня и прихватят, а в кармане красная книжка, где написано, что я главный инженер... был». Вспомнил, что, уходя от дома Бориса Ефимовича, я видел ряд металлических гаражей. «Вот там и надо пересидеть часа два-три, пока не приду в нормальное состояние». Нашел гаражи. Опустился рядом с деревом и... отключился. Проснулся с явным желанием встать. Но встать не удавалось. «Желание-то у меня есть», – вспомнил я известную фразу из итальянского кинофильма. Уцепился за дерево, поднялся, отцепился. Дерево пришло в движение и треснуло мне по лбу, потом отлетело в сторону. Вселенная кружилась, но мысль работала четко. Я взял горсть снега и стал тереть им лоб, виски, шею. Постепенно вращение Вселенной прекратилось. Я увидел дерево, склонившее надо мной свои сухие ветки, как бы извиняясь за нечаянный удар по моему распухшему лбу. Я привел себя в порядок, еще раз умылся снегом, утерся шарфом, и посмотрел на часы. Оставалось пятьдесят минут до отхода поезда.

– Пардон, мадам, – сказал я бродячей собаке, с любопытством рассматривавшей меня, и походкой культурного интеллигента двинулся в сторону метро, не замечая мокрого пятна

на полах моего пальто, оставленного, по-видимому, лохматым ухажером этой самой собаки в порядке показательного выпендривания перед ней и пренебрежения к валяющимся на их территории гомо сапиенсам.

Мозготер

Это было лет за десять до того времени, когда раскрепощенная совесть стала гарантией успеха в беспрецедентном ограблении рядовых тружеников бывшими фарцовщиками, мошенниками и откровенными бандитами. Значит ли это, что в те доперестроечные времена таковых представителей будущего не было? Нет, не значит.

Были. Только закон и общественное мнение ограничивали их бурную деятельность.

К нам в СКБ поступил на работу очень шустрый парень, к тому же еще и коммунист. По трудовой книжке – замечательный радиоинженер нашего профиля. Когда выяснилось, что от этого старшего инженера в сфере разработки радиоаппаратуры как от козла молока, его непосредственный руководитель обратился ко мне с просьбой:

- Переведите его куда-нибудь подальше.
- Почему он вам так быстро не понравился?
- Так он не инженер. Он энергичный мозготер.
- Энергичный, говорите?
- Слишком энергичный. Голова от него кружится.

Было решено, учитывая шустрость, перевести его в отдел снабжения. Там он, назовем его Сергеем, быстро включился в общую трудовую деятельность.

И вдруг! Как гром с ясного неба прозвучала команда сверху: «Исключить из рядов КПСС». В чем дело? Оказалось, что шустрый Сергей повадился по вечерам ходить в ресторанчик рядом с молочным заводом, где и пустил слух, что он-де ответственный работник райсовета.

Первой попавшейся официантке он пообещал походатайствовать о перемещении ее в очереди на жилье в число первых претендентов. Бесплатная выпивка и закуска была благодарностью официантки. Повару ресторана он пообещал в ближайшее время организовать приобретение автомашины «Волга» по госцене. И так далее и тому подобное.

Естественно, что в ресторане забыли о соцсоревновании за лучшее обслуживание посетителей и сконцентрировали свое внимание на соревновании за право обслуживания одного посетителя – Сергея. И все бы было хорошо, если бы он разнообразил районы пунктов своих увеселительных возлияний, вместо того чтобы нагружать своим присутствием коллектив работников одного ресторана, если бы он, надрвавшись, не превращался в глазах работников пищеблока сначала в члена горсовета, а потом, помахивая партийным билетом, – в члены обкома партии. В результате кончилось все мордобоем рассекреченного ответственного работника. И засветила ему перспектива греться на солнышке через окошко в клеточку.

«Но не сразу сказка сказывается», – говорится в народной поговорке. Оказывается, коммунист не может быть мошенником, и, следовательно, прежде чем его судить и посадить, нужно сначала исключить его из партии. Причем срочно.

Коммунисты СКБ собрались и начали чесать репу.

Чтобы исключить из партии, надо знать – за что. Вина может быть доказана только судом. А судить коммуниста нельзя (читай выше). Замкнутый круг. Пришлось направлять в ресторан представителя парторганизации для объективного расследования дела.

Работники ресторана сначала озадачились, некоторые ошетинились. «Вот, мол, еще один пришел». Но наш представитель от выпивки отказался, чем и снискал доверие и уважение. Рассказали все, как есть. Вот тогда парторганизация и решила из партии Сергея исключить, после чего его беспрепятственно и посадили.

Больше мы его не видели.

Семейные проблемы

На заседании парткома завода слушается дело об аморальном поведении члена партии – молоденькой девушки из рабочих. Она стоит перед дядями, как замерзший птенец, и не может внятно ответить на вопросы. Вопросы действительно сложные, на которые с трудом ответил бы зрелый мужик с обширной предысторией амурных достижений в своей биографии.

– Что побудило вас к такому недостойному коммуниста поступку?

Девушка беспомощно хлопает глазами, из которых вот-вот брызнут слезы. Она хочет что-то сказать, но губы не слушаются, дрожат и наконец, тихо произносят:

– Мы любим друг друга.

– Но вы женщина и должны были понять трагедию той, которая осталась одна с только что родившимся ребенком. Ведь ее психическое состояние может отрицательно повлиять на здоровье малютки. Это-то вы понимаете?

Девушка кивает головой, но не находит слов, чтобы ответить.

Молодой женатый парень в состоянии ожидания стать папой не выдержал и на одной из вечеринок окунулся с головой в захватывающую бездну, которая называется любовь. Из головы исчезли и образ супруги, и ожидание рождения ребенка. Когда этот ребенок родился, он уже плавал с ответчицей в облаках блаженства. Сама ответчица, испытывая впервые сильное чувство, не могла здраво осознавать, что же с ними происходит.

И вот теперь серьезные дяди, в основном руководители подразделений завода и СКБ, внушают ей этот здравый смысл жизни. Вопросы сыпались один за другим. Ответов не было. И тогда, понимая, что жесткая машина партийной дисциплины может окончательно раздавить психику этого еще незрелого человека, я решил сгладить накал обвинений.

– Видите ли, – сказал я, обращаясь к ней, – любовь, конечно, самое сильное чувство. Но любой человек должен обладать способностью сочувствовать, способностью понять другого и не навредить. Вы должны были убедить своего сегодняшнего, назовем его так, мужа воздержаться от ухода из семьи, хотя бы на некоторое время, пока не окрепнет малыш. Вы, к сожалению, этого не сделали, и я считаю, что наказанием для вас должен быть строгий выговор.

Большинство членов парткома, удовлетворенные тем, что кто-то взял на себя частичную реабилитацию молодой женщины, согласились со мной. Но, как потом выяснилось, не согласился со мной молодой муж.

Летом, когда мы с женой и дочкой отдыхали на турбазе завода, дочка простудилась и заболела. Высокая температура. Надо было срочно поить ее горячим молоком. Шел дождь. Молока достали в деревне. Я стал искать, у кого есть переносная газовая плита. Нашел. И... снова встретился с этой молодой женщиной. Рядом с ней был ее муж, который бросил когда-то свою первую жену с новорожденным.

Я попросил женщину вскипятить молоко. Муж зыркнул на меня злым взглядом и сказал:

– Мы заняты.

Но я был не в том положении, чтобы уйти оскорбленным. Мне отступить было некуда. И я обратился к женщине:

– У ребенка температура. Нужно горячее молоко. Помочь мне можете только вы.

Она посмотрела на мужа. Тот зло отвернулся. Она взяла котелок с молоком и сказала:

– Зайдите через десять минут.

А еще через десять минут мы с моей женой Галей отпаивали горячим молоком нашу дочку.

Володя Попов

Это было лет сорок пять назад. Я – молодой главный инженер – после стационарного лечения в больнице был направлен в санаторий ВЦСПС. Приехал. Вот оно, единственное в санатории каменное здание администрации. Перед отъездом на всякий случай зашел в магазин и купил флакончик духов. Пригодится. В администрации молоденькая улыбчивая девушка выдала мне ряд талончиков, один из которых с указанием двухместного номера я должен был вручить дежурной по корпусу. Я извлек из кармана духи и, улыбаясь до ушей, вручил их девушке.

– Ой, спасибо, – слегка порозовев, проворковала она.

– У меня к вам несколько необычная просьба. Подберите мне, пожалуйста, молодого веселого соседа, чтобы не скучно было одному за девушками ухаживать.

– А вы что, только за этим сюда приехали? Имейте в виду, что здесь строгий распорядок дня. Лечебные процедуры, посещение врачей.

– Но вечером-то мы можем уйти в самоволку?

– Конечно, можете. Только ненадолго. В двадцать три отбой. А сейчас: корпус два, номер восемь, в столовую во вторую смену, к врачу с процедурной книжкой в шестнадцать. Желаю вам хорошего отдыха.

– Спасибо.

И я пошел. Корпус номер два, так же как и все остальные, представлял собой деревянное сооружение со всеми удобствами, которые придумала цивилизация. В номере две кровати, стол, тумбочки, стулья, умывальник. Я снял пиджак и развалился на одной из кроватей.

Вдруг кто-то шумно открыл дверь, и на пороге появился такой же, как я, жизнерадостный мужчина чуть моложе меня.

– Привет отдыхающим, – сказал он.

– Привет прибывающим, – ответил я, пожимая его интеллигентную руку. – Меня зовут Павел.

– А меня – Володя. Ты куришь?

– Нет. Балуюсь.

– И я балуюсь. Что пьешь?

– И водку тоже.

– Тогда по рюмашке.

И он вытащил из чемодана бутылку коньяка.

– Ого! – воскликнул я. – Мы квиты.

– Это ты к чему?

– Да я тебя за флакон духов выкупил у канцелярши.

– Как это?

– Очень просто. Подарил ей духи и попросил направить какого-нибудь веселого Володьку.

– Ну ты и шустряк.

– Это точно. А коньяк будем пить после посещения врача.

И началась наша потешная жизнь. Соседний номер занимала пара женщин нашего возраста. В одной из них Володя сразу узнал свою знакомую директрису из промтоварного магазина, расположенного на улице Свердлова, рядом с площадью Минина. Ее соседкой оказалась пухленькая секретарша знаменитого в то время Рубинчика – директора территориального управления снабжения области.

Наша четверка мелькала на всех мероприятиях: кино, танцы, лесные прогулки, походы в соседний санаторий и дома отдыха. Было весело, смеялись много.

– Паша, Паша, как уж звали этого... э... Джавахарлал? – обращался ко мне Володя.

– Джавахарлал Ньюру, – отвечал я.

Все помирали от хохота.

– А я толла Хомейни, – добавлял я.

Володя оказался работником обкома партии и даже участником Великой Отечественной войны. Меня это очень удивило. Родился в 1942 году и успел поучаствовать в боевых баталиях против фашистов. Шутка?

Оказалось, не шутка. Дело в том, что родился он в партизанском отряде и во время одного из нападений немцев на расположение отряда был ранен в возрасте нескольких месяцев. А по постановлению правительства партизанским детям, получившим ранения во время боевых действий, присваивается звание участника войны.

Кончился срок санаторной путевки. Мы разбежались по своим рабочим местам и в текучке событий забыли о нашей кратковременной дружбе. Через много лет, в начале девяностых, я, директор СКБ, вместе с еще одним директором Дмитрием Филатовым зашел в экономический отдел администрации области. Нас приняла руководитель отдела, знакомая по совместной работе в объединении «Кварц». Дмитрий пришел выпросить кредит на какие-то очень важные, с его точки зрения, мероприятия. Рядом за столами сидела группа притихших работниц отдела. Согласование проходило успешно.

– Тогда так, – сказал Дмитрий, – мы с вами все это обсудим, обсидим и...

– И облежим, – перебил я его.

Девушки прыснули со смеху.

– Не мешай, Паша, – уставился на меня Дмитрий.

Я встал и вышел. Прошелся по коридору, заглядывая то в одну, то в другую комнаты. И... вот он! Володя Попов! Из кресла партработника перепорхнул в кресло руководителя хозяйственной деятельностью.

– Привет участникам Великой Отечественной войны! – приветствовал я его.

Он оторвался от чтения каких-то бумаг, поднял голову, и лицо его изобразило радостное удивление.

– Джавахарлал Ньюру! – воскликнул он.

– А я толла Хомейни, – ответил я улыбаясь.

Всеволод Сергеевич Троицкий

Всеволода Сергеевича Троицкого я хорошо знал по публикациям в части изучения поверхностного грунта Луны путем анализа радиоизлучений, и особенно по реализации программы поиска радиосигналов от предполагаемых цивилизаций из далекого космоса.

Я его знал, а он меня – нет.

Встретились мы случайно в двухместном купе поезда, следовавшего из Москвы в Горький. Время было позднее, и мы быстренько разложили свои кровати. Мне было неудобно затевать разговор с уважаемым членом-корреспондентом Академии наук в такое неудобное для этого время. Но, с другой стороны, я знал, что утром поговорить просто не будет времени. И я решился.

– Всеволод Сергеевич, извините меня за бестактность. Я Павел Павлович Шаров, начальник отдела Горьковского СКБ радиоизмерительной аппаратуры, знаю о ваших исследованиях в области поиска внеземных цивилизаций и хотел бы задать вам один вопрос.

– Очень приятно, – сказал он, – давайте я нырну под одеяло, а вы задавайте вопросы.

Я задумался, с чего бы начать.

– Ваш отдел, Всеволод Сергеевич, в НИРФИ¹⁷ занимается исследованием радиосигналов из далекого космоса с целью поиска информации с далеких разумных цивилизаций. Но ведь Вселенная бесконечна в пространстве и времени. И если есть в ней внеземная разумная жизнь, то наверняка существует и более разумная, чем земная. А это значит, что она давно бы освоила нашу Солнечную систему и присутствовала бы в нашей жизни не в предположениях, а наяву. А ее здесь нет. Значит, или ее нет вообще, или она есть, но на таких больших расстояниях, что время существования цивилизации вообще значительно меньше времени преодоления этого расстояния при сколь угодно развитой технике перемещения и связи.

– В Ваших рассуждениях, Павел Павлович, – сказал он, закутываясь в одеяло, – есть ошибочные исходные положения. Во-первых, та часть Вселенной, которую мы знаем, не бесконечна во времени и пространстве. Вы, конечно, в курсе, что по одной из теорий – теории первоначального взрыва – Вселенная возникла около пятнадцати миллиардов лет назад. Сейчас это доказывается экспериментальными наблюдениями красного смещения электромагнитных сигналов, доказывающих расширение Вселенной, разбегание галактик. А это значит, во-вторых, что, возможно, зародившиеся в недрах космоса цивилизации развиваются параллельно нашей. И может даже быть, что мы самые первые и самые развитые и, как множество других цивилизаций, бьемся над вопросом космических связей. Вы правы, что время существования цивилизаций ограничено. Факторов гибели зародившейся жизни, достигшей разумного уровня, множество. Но это не значит, что нужно прекращать поиск. Я уверен, что с развитием научно-технического прогресса впереди человечество ждет масса удивительных открытий.

Разговор был очень интересным. Мы проговорили часа полтора, пока я не понял, что нельзя быть излишне навязчивым, тем более что уважаемому ученому надо еще поспать. Разговор этот состоялся в конце шестидесятых, после чего я несколько раз посещал отдел НИРФИ, руководимый Всеволодом Сергеевичем, знакомился с работниками отдела, но совместных проектов в работе не возникало.

Они возникли несколько лет спустя, когда я стал главным инженером СКБ и, кроме своей основной работы, увлекался созданием средств лечения онкологических заболеваний. Всеволод Сергеевич в то время разработал прибор для измерения глубинной температуры в теле человека – радио-термометр. Этот прибор стал одной из составляющих гипертермической радиосистемы для лечения новообразований.

¹⁷ Научно-исследовательский радиофизический институт

У Всеволода Сергеевича родилась идея серийного выпуска его детища – радио-термометра. Для этого необходимо было провести конструкторско-технологическую работу по доведению макетов до уровня серийной продукции. По этому поводу мы с ним посещали специализированные главки Министерства электронной промышленности, Министерства промышленности средств связи, но преодолеть планку специальной государственной комиссии не удалось. Способ излечения онкологических больных методом гипертермии так и остался на уровне экспериментальных лабораторий.

В начале восьмидесятых, когда я уже был директором СКБ, Всеволод Сергеевич пригласил меня на конференцию в Зеленоград, посвященную применению радиоэлектроники в медицине. Там в свободное от заседаний время у нас состоялся еще один интересный разговор.

– Всеволод Сергеевич, я недавно прочитал статью об экспериментах американских исследователей телепатической связи. Индуктор на автомашине с использованием генератора случайных чисел фиксирует на карте обозначенную генератором площадь. Едет туда и наблюдает там окружающую обстановку. Экспериментатор, стоящий рядом с реципиентом, у которого завязаны глаза, просит его рассказывать, что он видит. Реципиент рассказывает, затем снимает повязку и рисует на бумаге увиденное индуктором. Воспроизводится все с точностью до количества деревьев на аллее. Можно поверить?

– Можно, – отвечает Всеволод Сергеевич.

– Теперь индуктор на берегу реки смотрит на другой берег. Видит мост, видит ближайшие здания, а что за ними – не видит. А реципиент видит, рассказывает и рисует то, что не видел индуктор. Проверяют. Оказывается, реципиент действительно видел то, что не видел индуктор. Можно поверить?

– Можно.

– Лично я сомневаюсь. Но самое главное впереди. Индуктор пытается включить генератор случайных чисел, а он не работает. Умышленно отключен. Реципиент всю рассказывает и рисует. Через некоторое время индуктор получает возможность включить генератор случайных чисел, обнаруживает место, куда он должен ехать. Едет и наблюдает. При этом наблюдает то, что реципиент уже нарисовал. Можно поверить?

– Можно.

– А я не верю. Причина и следствие поменялись местами. Такого быть не может.

– Почему?

– Обычно в таких случаях говорят: «Потому что этого не может быть никогда».

– А если это предвидение? Одно из явлений парапсихологии. И объясняется это предвидение наличием так называемого всеобщего знания, окружающего нас во Вселенной.

– Всеволод Сергеевич, вы в Бога верите?

– Смотря, что вы называете Богом.

Всеволод Сергеевич находил время принять участие в работе по профилю СКБ. В частности он был главным оппонентом на защите диссертации Владимира Павловича Хилова. Руководителем этой диссертации был я, что позволило мне подготовить из Хилова своего первого помощника – главного инженера, а затем и передать ему руководство СКБ.

Когда Всеволода Сергеевича не стало, я с горечью осознал, что мы потеряли в нем замечательного человека, наделенного страстью познавать, удивляться и удивлять.

Медицинские эксперименты

Участие в начале своего творческого пути в разработке первого в СССР измерителя плотности потока СВЧ энергии определило основную задачу моей дальнейшей работы. Целью стало создать на базе новых технических решений серию измерителей напряженности сильных биологически опасных СВЧ полей и плотности потока СВЧ энергии в пространстве. Была среди этих технических решений и экзотика, не удостоившаяся внедрения в производство. Это шаристоры. От слова шар или Шаров, толком не разберешь. Представляли они собой диэлектрические пустотелые сферы с распределенными на поверхности микро-термопарами. Шар поглощал СВЧ энергию с любого направления, перекрывал широкий диапазон частот и предназначен был для определения уровня облучения объекта на данном рабочем месте. Например, на военном корабле, оснащенном массой радиолокационной техники, размещенной по территории корабля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.